Андрей
КИВИНОВ

БОЕВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ОПЕРЕЖАЯ ВЫСТРЕЛ

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Андрей Владимирович Кивинов

Цепная реакция

Серия «Опережая выстрел», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4931571
Андрей Кивинов. Опережая выстрел. Книга 2. Цепная реакция: Астрель, Астрель-СПБ; Москва, Санкт-Петербург; 2012
ISBN 978-5-271-41327-8, 978-5-9725-2231-6

Аннотация

Сюда возьмут не каждого, здесь свои традиции и свои законы. Свои правила приличия и понятия о долге. Отряд милиции специального назначения, или просто СОБР.

Они умеет все, они не знают слова «невозможно», и лучше не вставать на их пути. Они действуют со скоростью пули и бьют без промаха. И кому, как не им, известно – что быстрее выстрела и поражает гораздо сильнее…

Нет оружия, способного опередить любовь…

Он пытается жить по плану. Это касается всего, даже любви. Но чувства запрограммировать невозможно. И даже если любимый человек оказывается из противоположного лагеря, ты сокрушишь любые препятствия, чтобы остаться с ним…

Жизнь как минное поле – не знаешь, где рванет. Особенно если нервное напряжение в обществе достигло предела. И обычная семейная ссора, словно цепная реакция, может привести к террористическим актам. Фантазии? Увы, нет…

Содержание

Быков 4
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Андрей Кивинов
Опережая выстрел
Книга 2
Цепная реакция

Быков

Они как всегда напали ночью. Атаковали большими силами сразу с трех сторон. Никто не знал, откуда они появляются и где обитают. Их было много. Бесконечно много. Подобно горной лавине, они сметали все на своем пути и словно газ проникали в самые укромные уголки, оставляя после себя лишь хаос. Защититься от них было так же нереально, как зонтиком – от ядерного взрыва. И казалось, ничто не сможет остановить их. Даже тряпка уборщицы Риты. Девушки приятной во всех отношениях, но недооцененной сильной половиной человечества, в силу чего вынужденной зарабатывать себе на шпильки и прочие мелочи тяжелым физическим трудом.

– Я же просила не оставлять сахар на столе! Неужели так трудно убрать? Этих тварей ни одна химия не берет.

Она развернула тряпку и профессиональным движением уничтожила пару десятков разбегающихся муравьев.

– Это Денис не убрал, – не отрываясь от компьютерной стратегии «Спецназ», пояснила бухгалтер Лена Исподлобова.

Ее, яростную фанатку названной игрушки, не могли остановить ни рабочее время, ни начальник. Когда-то пыталась отлучить от игры сына, в результате подсела сама. Что и неудивительно. Нет лучшего лекарства от стресса, чем во время нервных офисных будней снайперским выстрелом снять вражеского часового.

– Вот пусть и разбирается с ними.

Рита взглянула на электрические часы, висевшие над дверьми офиса компании «Коттеджи на заказ», и переместилась к окну. Сняла цветы, достала из кармана фартука сухую тряпку и принялась самозабвенно вытирать пластиковую поверхность подоконника. С усердием, явно не соответствующим размеру зарплаты.

– Вынесешь потом у меня мусор, ладно? – попросила Лена, по-прежнему увлеченно уничтожая на экране виртуальных террористов.

Рита ничуть не уступала Лене по внешним данным, однако вынужденно находилась по другую сторону баррикад и всем своим видом пыталась показать по крайней мере социальную терпимость. Но на этот раз терпение отказало. Она демонстративно отложила тряпку и с видом ведьмы, идущей на костер Инквизиции, направилась к столу Исподлобовой. Та, вяло проигнорировав суровый взгляд уборщицы, встала, освобождая ей дорогу, и шагнула в центр зала.

– Тепло-то как сегодня! Будто июль… Девчонки, может, проветрим, а? Не против?

Возражений от сослуживцев не последовало. Кому ж тепла не хочется?

Лена профланировала к окну и уже взялась за ручку, как вдруг изменилась в лице и стремительной серной метнулась в кабинет директора.

– Роман Иваныч, спецназ! – выпалила она, едва захлопнув за собой дверь. – В масках… Из автобуса выскочили, сюда бегут!

– Доигралась! Ну, Ленка! Уволю к черту! Завязывай с игрушками!

– Да правда! Настоящий! Живой! Сыном клянусь!

Сын – это уже аргумент. Шутки в сторону!

Директор компании Роман Иванович Кривошеин, потомственный земельный спекулянт, вылетел из мягкого кресла-гнезда и подлетел к стилизованному под улей сейфу.

– Дьявол!.. Накаркала! Играла б ты лучше в «косынку»!

Распахнув дверцу, он извлек две герметичные банковские упаковки.

– На, спрячь… Скорее!

– Куда?! В туалет – уже не успею…

Кривошеин окинул кабинет страдальческим взглядом. Увы, куда ни засунь – найдут. И за окно не выкинуть – найдут… Даже и сожрать – так брюхо вскроют, с них станется. У них нюх на наличку – лучше, чем у собак. И глаза – что рентген…

Ба! Ведро! Грязная вода, швабра! Ритка хотела пол в кабинете мыть, но он ее тормознул, – позже.

Висевшая на стене репродукция «Последний день Помпеи» уже подрагивала в такт топоту подкованных берцев по полу офисного коридора. Казалось, пепел Везувия уже слетал с полотна и кружил в воздухе. Времени на раздумье не оставалось. Кривошеин подскочил к ведру, опустил пакеты с деньгами в воду, прижал шваброй и прикрыл сверху тряпкой. Потом потащил испуганную бухгалтершу в зал.

В следующую секунду хилая дверь сорвалась с петель и в помещение один за другим влетели семеро человек в специальных черных костюмах силовых подразделений МВД. На лицах – маски, на руках – перчатки с обрезанными пальцами, на ремнях – наручники, баллончики и кобуры. В глазах – холод. Офис они атаковали с трех сторон. Никто не знал, откуда они появляются и где обитают. Подобно горной лавине они сметали все на своем пути… И даже тряпка уборщицы Риты не смогла бы их остановить.

– Работает СОБР! – хрипло прокричал старший, с погонами майора. – Всем встать к стене!.. Быстро! Лицом к стене, сказал! Повторять не будем, на…

Хотя уже повторил.

Муравьи тут же бросились врассыпную, догадавшись, что на этот раз ждать пощады бессмысленно. Это вам не Рита.

Бойцы принялись активно помогать сотрудникам компании выполнять команду командира. Деловые костюмы и блузы затрещали по швам.

Кавказец в белой рубашке и бордовом галстуке, вжавшийся в стул возле стола менеджера Гали Мельниковой, попытался объяснить, что он, собственно, посетитель, здесь оказался случайно и к данной компании никакого отношения не имеет. Но речитатив с акцентом не помог. Бесцеремонно схватив джигита-нытика за плечи, один из служителей закона ловко пристроил его к стене, затолкав бордовый галстук ему в рот.

– Дамы и господа, благодарю за правильное понимание момента, – с легкой иронией произнес майор, оглядев выстроившихся вдоль стены людей. – И кто здесь главный?

– Я… – вяло отозвался Кривошеин, слегка помедлив, будто ожидая, что его миссию возьмет на себя какой-нибудь благородный подчиненный. Благородных не оказалось.

– Пройдемте в кабинет!

Директор повиновался, не рискуя вступать в полемику о правах человека.

Майор жестом велел одному из бойцов следовать за ними. В дверях обернулся:

– Во время обыска и проведения следственных действий прошу всех оставаться на своих местах. Не вертеться, не переговариваться, не пользоваться мобильными телефонами. Это в ваших же интересах. Все вопросы – следователю. Он будет говорить с каждым в отдельности. За неповиновение… – Он ухмыльнулся. – Расстрел в сортире.

Войдя в кабинет, майор аккуратно прикрыл дверь и посмотрел на Кривошеина тяжело, словно боксер на грушу:

– Ключи от сейфа!

– Подождите… – Роман Иванович выудил из кармана носовой платок и вытер вспотевший лоб. – Мы же говорили на той неделе с Головатовым и абсолютно все вопросы решили…

– Да ну? – На сей раз ирония в голосе старшего группы зазвучала устрашающе. – А при чем здесь Головатов?

– Как? Разве вы не из ОБЭП?

– Мы – откуда надо… Ключи, быстро!

Кривошеин достал из кармана связку и покорно протянул ее майору. И даже не поинтересовался наличием постановления на обыск. Получить по голове очень не хотелось. А санкция – наверняка имеется.

В сейфе ничего достойного и ценного не обнаружилось. Только стопки папок с документами, пара порножурналов да коробка, в которой лежало несколько печатей.

Разочарованный командир снова повернулся к директору:

– Обналичкой *занимаетесь?*

– Боже упаси! Мы – абсолютно белая компания.

– Ну, да. И пушистая… – Майор зыркнул на вошедшего с ним бойца: – Осмотри здесь все!

Тот подошел к столу, бесцеремонно отодвинув в сторону хозяина кабинета, и рывком открыл верхний ящик.

– Послушайте, поаккуратней нельзя? – не выдержал Кривошеин. – А где следователь, где санкция?

– В пробке застряли, – спокойно пояснил майор, положив руку на кобуру. – С другого обыска едут. Без мигалки.

– Вы ведь обязаны составить протокол изъятия! – С отчаянием приговоренного выпалил директор. – Имейте в виду, я законы знаю!

– Серьезно? А что ж ты их нарушаешь? Закончим обыск, тогда и составим.

Между тем боец, тщательно осмотрев все ящики стола, направился к книжному шкафу. И по пути задел ведро со шваброй. Часть воды выплеснулась на пол, и Кривошеину показалось, что стук его сердца слышен во всем здании. Но боец лишь ругнулся и ногой отодвинул ведро ближе к стене.

Закончив потрошить шкаф, он повернулся к старшему:

– Пусто…

Майор мрачно глянул на директора, жестом велел ему поднять руки вверх и быстрыми заученными движениями ощупал одежду. Затем кивнул в сторону двери:

– На выход!

Выйдя следом за Кривошеиным в зал, он бросил вопросительный взгляд на подчиненного. Тот, набивая карманы пакетиками с растворимым кофе из стоявшей на подоконнике коробки, отрицательно мотнул головой.

– Всем до приезда следователя оставаться на местах! – громко провозгласил майор. – Попытки переговариваться будут расценены как противодействие правоохранительным органам. Со всеми вытекающими…

Бойцы быстро покинули помещение. Их прогрохотавшие по лестнице шаги напомнили номер из шоу японских барабанщиков. Затем внизу глухо хлопнула входная дверь.

Аплодисменты…

Некоторое время сотрудники компании продолжали послушно стоять, словно молящиеся у стены плача в Иерусалиме. Потом директор повернулся в сторону уборщицы, стоявшей к выходу ближе других, и вполголоса попросил:

– Рит, глянь, что там…

Та тихонько приоткрыла дверь и осторожно выглянула наружу.

– Никого. Кажется, ушли…

Услышав это, менеджер Мельникова сразу бросилась к своему столу. Открыв верхний ящик, она подняла на Кривошеина взгляд, полный тициановского страдания:

– Роман Иванович, у меня деньги пропали… Восемьдесят тысяч. Сверху лежали.

– Какие еще восемьдесят тысяч?

– Клиент предоплату внес. – Галя кивнула в сторону кавказца с галстуком во рту. – Только что. Я даже оформить не успела.

– Да-да! – вытащив галстук, поспешно подтвердил тот. – Деньги я уже внес, имейте в виду! И все записал на камеру мобильного! Пойду в суд.

– Роман Иваныч, а у меня кошелек из сумки исчез, – подала голос второй бухгалтер, Аня Трофимова, осмелившаяся покинуть свое место следом за Мельниковой.

– И у меня… – поддакнул еще кто-то. – И даже кофе с сухариками умыкнули.

– Та-а-ак… – Кривошеин тяжело уселся на ближайший стул. – Приехали… Да не стойте вы как партизаны в гестапо! Чувствую, не будет никакого допроса…

– А следователь? – испуганно переспросила Трофимова.

– Следователя нам теперь самим придется вызывать.

– Вы только мне квитанцию выпишите, что задаток приняли, – напомнил посетитель, по инерции продолжая подпирать стену. – Десять процентов, в соответствии с условиями договора.

Осмелевшие муравьи покинули убежища и снова выползли на сахарную тропу войны.

* * *

Командир отряда милиции специального назначения полковник Иван Николаевич Кленов сидел за своим боевым столом, слушая печальную повесть оперуполномоченного городского управления уголовного розыска Бухарова и одновременно наблюдая за его младшим коллегой Никифоровым. Тот поочередно выуживал из большой стопки папки с личными делами сотрудников, извлекал оттуда фотографии и переснимал их цифровым фотоаппаратом.

– Крайне талантливо все проделали. – Оперативник по обыкновению посасывал «чупа-чупс». – Гаишники – и те купились. Мимо проезжают, глядь – автобус стоит с мигалкой, а в нем два орла в масках. Подруливают, какие проблемы, спрашивают… Те им спокойненько так: свои, мол, СОБР. Налоговую сопровождаем, рейд по борьбе с обналичкой… Помощь не требуется?.. Нет, спасибо, заканчиваем уже… Гаишники и умотали. Что тогда про сотрудников фирмы говорить? Лбами в стену уткнулись и дышали через раз. Какие уж тут приметы… Маски да форма… Никто толком сказать не может, сколько вообще этих клоунов было. – Бухаров прервался и вздохнул, словно собираясь вызвать собеседника на заведомо проигрышную для него дуэль. – Я сам артист по жизни, но таких спектаклей не припомню. Если, конечно, это спектакль…

– То есть?.. – покосился на него Кленов.

– Николаич, только давай без обид. Я на твоих добрых молодцев напраслину возводить не хочу, себе дороже, но сработано-то уж больно грамотно. Любитель не потянет.

– И форму где-то раздобыли, – добавил Никифоров, засовывая очередную фотокарточку обратно в личное дело.

– Ну, положим, форму да нашивки сегодня чуть не на каждом углу купить можно, – возразил командир отряда. – В нашем-то бардаке…

– В том-то и дело, что не на каждом… Понимаешь, Николаич, судя по описаниям очевидцев, это была не обычная форма. Сдается, она из той самой партии, которую вам под экономический форум подогнали. Расцветка редкая, не спутаешь. Больше в Юрьевске такой

никто не получал – ни мы, ни минюстовские, ни вояки. Это проверено. Так что… – Бухаров развел руками – мол, делайте выводы.

– И ты считаешь, что это мои? – Кленов уже закипал, но, к счастью, под рукой не нашлось ничего подходящего, чтобы разрядить ситуацию. – Или, может – я?

– И в мыслях нет, Николаич… Но какая-то руководящая и направляющая сила явно чувствуется… В общем, мы по своей линии отрабатывать будем, а ты со своей стороны за подчиненными понаблюдай.

– Что значит «понаблюдай»?

– Кто из твоих доблестных бойцов ведет образ жизни, не совместимый со светлым моральным обликом сотрудника внутренних органов. Обычно это все-таки заметно. Как говорила товарищ управдом из «Бриллиантовой руки», наши люди в булочную на такси не ездят… Только осторожно понаблюдай, без лишнего ажиотажа. Понимаешь, денег с дачного спекулянта ребятки сняли всего ничего. По их меркам, конечно. А это – плохая примета. Значит, трюк повторят.

– Странно как-то, – все не сдавался Кленов. – Обычно на такие дела без разведки не ходят. Или наколка нужна.

– Не спорю, – кивнул Бухаров. – Директор явно что-то не договаривает. Но он в данной ситуации – терпила, и по душам с ним я потолковать не могу. А жаль… Дыба по нему рыдает… А ты понаблюдай… Скоро переаттестация – отличный повод уточнить про нетрудовые доходы. Верно?

* * *

Леха Быков, человек с незаконченным средним техническим образованием и перебитым носом, сидя на лавочке во дворе базы отряда, шомполом начертил на земле относительно прямую линию и поставил на ней крестик.

– Представь, что это – граната. Упавшая, типа на землю. При взрыве «эфки» на свет появляется от двухсот до трехсот осколков, прикинь…

– До четырехсот, – поправил художник-взрывотехник Толик Репин, взявший себе творческий псевдоним Пикассо. И иногда в рапортах по запарке подписывался именно так. Разнесет подпольный нефтезавод и подпишется «Пикассо», – и перестань засорять родную речь словами-паразитами. Прикинь, типа… Тошнит, ей-богу.

– Пусть даже четыреста. Если принять, что они во все стороны разлетаются равномерно, – Леха начертил исходящие из крестика лучи, – то половина из них в землю уходит… Еще почти половина – в небо… А из оставшихся, чтобы, скажем, с пяти метров в ростовую фигуру попасть, под нужным углом летит всего ничего! Прикинь! Получается, что вероятность поражения осколком – ноль целых хрен десятых и, следовательно, «эфка» – полное фуфло. Как это понимать?

Репин, помимо удостоверения имевший в кармане диплом инженера-технолога, обоснованно возразил:

– Ну, во-первых, тому, в кого осколок все же попадет, твоя теория уже до одного места. Ему и хрена десятых достаточно будет… Наш преподаватель по математике утверждал, что если количество патронов, израсходованных всеми странами во время Второй мировой войны, разделить на общее количество убитых и раненых, то окажется, что в цель попадала только одна пуля из двадцати пяти тысяч. Одна из двадцати пяти тысяч. По твоей логике выходит, что и огнестрельное оружие – тоже фуфло? Нет. Во-первых, тут обычная арифметика не работает. А во-вторых, граната – это не только осколки. Про ударную волну не забывай. И про психологический фактор.

– И я думаю, что тут что-то не вяжется. Если б на деле так было, то гранаты в бою никто применять бы не стал. А ведь на одних только растяжках сколько народу подорвалось… Но мысль, в принципе, интересная. Проверить бы, а?

– Можно и проверить… Если только на мышах. И чтоб зеленые не узнали.

– Или на женщинах, блин…

Взрывотехник встал с лавочки и, положив руки на затылок, сделал несколько энергичных наклонов и поворотов корпусом.

– На женщинах нельзя… Не толерантно… А чего это ты так на милых дам? Из-за развода? Вроде уж три месяца прошло, успокоиться должен. Что у тебя, кстати, на личном фронте?

– Проводятся активные оперативно-поисковые мероприятия, – вяло сообщил Быков, убирая шомпол в автомат. – Пока мимо. Чего этим дурам надо?

– Джентльмены, ваша очередь! – прервал рапорт бочкообразный опер Соломин, в прошлом силовой жонглер.

Что может быть занятней, чем метнуть с пяти метров в голову лучшего друга и коллеги топор? Пожалуй, если только метнуть с трех метров вилы. Сию нехитрую житейскую мудрость и использовали оперативники отряда милиции специального назначения во время скучных дежурств. Хоть какое-то развлечение.

Джентльмены неспешно вышли на середину огороженной площадки, где метрах в десяти друг от друга были установлены два сильно покоцанных деревянных щита. На дереве – следы запекшейся крови. На земле возле – небольшой арсенал холодного оружия: пара ножей, копье, метательный топорик, вилы с прямыми зубцами и даже гигантский секатор для стрижки кустов.

Каждый встал спиной к своему щиту.

– Ты, Леха, на эти мероприятия только зря время тратишь. Пока семь раз примерять будешь, тебе самому отрежут, – заявил Репин, беря нож и демонстрируя его Быкову. – Любовь должна быть подобна взрыву. Это я тебе как взрывотехник говорю. Чтобы раз – и наповал! А выбирать…

С этими мудрыми словами он примерился и резко метнул инструмент в коллегу. Быков успел уклониться, нож воткнулся в щит точно против того места, где он только что стоял.

– …Выбирать можно стиральную машину, но не жену, – закончил художник.

Напарник в качестве ответного слова выбрал топорик.

– Сперва ж познакомиться нужно. Узнать, что за человек. А потом уже влюбляться…

Раз! Вращаясь со скоростью барабана стиральной машины, топорик полетел в сторону художника. Если вам в голову летит топорик, первое правило – не паниковать. Не дергаться и не гадать. Паника – причина всех бед. Надо просто отследить траекторию полета, быстро произвести в уме математический расчет и отклониться в нужную сторону. Репин с математикой дружил, а уж про хладнокровие и говорить нечего. Столько на своем веку навзрывал, что ни одному ваххабиту не снилось. В результате он без труда ушел от смертельного оружия, уклонившись влево. Но не тут-то было. Ударившись рукояткой о щит, боевой инвентарь отскочил и едва не перерубил живописцу икроножную мышцу. Но чуть-чуть не считается.

– Я ему про взрыв, а он мне про тление… И где ты знакомиться собираешься?

– Не знаю. – Здоровяк Быков с легкостью антилопы отскочил от летевших в него нептуновских вил. – В ночной клуб сходить можно. Как раз сегодня собирался…

Он выдернул вилы из щита, взял на изготовку и, коротко размахнувшись, метнул обратно в лучшего друга. Тот по-скорому рухнул на травку, а потом так же быстро вскочил.

– Ну-ну… Леха, любовь не ищут! Это не грибы. Вот моя Ленка иногда спрашивает: «Толик, а за что ты меня любишь?»… – Анатолий медленно поднял над головой топорик. – Убить хочется! Вот так бы взял и…

Топорик, просвистев в шаге от отпрыгнувшего коллеги, с глухим стуком воткнулся в многострадальный щит.

– …и ответил. Н у, что за вопрос такой идиотский? Люблю, и все!

– То-то вы постоянно воюете, – усмехнулся разведенный, примеряя к руке африканское копье для охоты на слонов.

– Ну, допустим, не постоянно. Раньше был такой закон, назывался… – Репин снова плюхнулся на песок, пропуская летящее орудие над собой, – …закон единства и борьбы противоположностей. Сейчас его, правда, вроде отменили, но мы все равно по нему жить продолжаем.

– Брэк, джентльмены! – прервал спорщиков третейский судья Соломин. – Можно оправиться и сменить памперсы…

* * *

Ночной клуб «Черный коралл» считался в Юрьевске заведением если не элитным, то по крайней мере не для плебса. Во-первых, цены на входной билет отличались шаловливостью. А во-вторых, местная служба безопасности была укомплектована умелыми парнями, на глаз отличавшими серьезного человека от неадеквата. При этом постоянным, вменяемым посетителям те же умелые парни вниманием особо не докучали, деликатно закрывая глаза на некоторые их кокаиновые причуды. Главное, чтоб не бузили и не оскорбляли своим видом человеческое достоинство.

Командовал службой безопасности сего злачного заведения некто Сергей Семенов, под началом которого Быков восемь лет назад начинал службу в патрульно-постовой службе. Потом пути их разошлись. Семенов, устав от хронического безденежья и плюнув на уже маячившую на горизонте пенсию, подался в охранный бизнес, где довольно быстро вырос от охранника до босса. Быков же перевелся в СОБР, перед этим, правда, по договоренности с руководством, «подвесившись» на должность участкового инспектора, чтобы получить лейтенантские погоны. Оказавшись в разных учреждениях, бывшие коллеги сохранили приятельские отношения, и старое знакомство иногда позволяло Алексею посещать «Коралл» на льготных условиях.

Сейчас он, облачившись в тесноватый свадебный костюм, восседал в тени за барной стойкой и, потягивая через гофрированную трубочку поданный со скидкой фирменный коктейль «Динамит», наблюдал за молодой шатенкой за столиком напротив. Девушка симпатичная, как раз в его вкусе. И на лицо удалась, и на фигурку. Шатенка несколько раз перехватывала его томные джеймс-бондовские взгляды, но всякий раз нарочито равнодушно отводила глаза.

Последние пару минут внимания красотки упорно домогался худощавый разбитной паренек с длинными волосами, убранными на дамский манер под ободок. В кислотном грохоте Быков не мог слышать их разговора, но, судя по тому, как лениво девушка реагировала на домогательства длинноволосого, она мечтала побыстрее от него избавиться. Навязчивый ухажер не отставал, и в поисках защиты она инстинктивно обратила взгляд на Джеймса Бонда с перебитым носом.

Тот среагировал на сигнал оперативно – сполз с табурета, пригладил короткие рыжеватые волосы и деловито приблизился к парочке, разминая кисти рук, привыкшие к топорам.

– Привет! – улыбнулся он девушке. – Извини, опоздал.

– Ой, привет! – мгновенно приняла та игру. – А я уже звонить собралась.

– На Ленина авария, еле проехал… – Быков перевел взгляд на парня: – Проблемы, приятель?

– Нет, ничего… – пробормотал тот, оценив габариты потенциального соперника, и тут же растворился в полумраке зала.

– Спасибо, – улыбнулась шатенка. – А то прилип, как…

– Всегда рад помочь… Алексей, – представился Быков, присаживаясь к столику.

– Аня.

– Потанцуем? А то на Ленина, типа, все равно авария.

– С удовольствием…

* * *

Человек стоял на мосту, опершись на перила, и мрачно глядел на пляшущие огни фонарей, отражавшиеся в пробегавшей внизу темной воде. Но прыгать не собирался.

– Стас, я клянусь, деньги были! – словно пойманная за руку воровка, тараторила Ритка. Инстинкт самосохранения сковал ноги и обосновался внизу живота. – Я сама видела. Две здоровые пачки, в пленку закатаны. На столе лежали. Роман Иваныч меня из кабинета выгнал сразу, как зашла. Сказал, оставь пока ведро, потом помоешь… А когда выходила, слышала, как он сейф открывал.

– И больше никуда не выходил? – строго, по-отцовски переспросил тот, кого она назвала Стасом. Женское обаяние на него не действовало. Мачо не скачут.

– Нет… Точно нет! Бухгалтерша к нему заглядывала… Но она мини носит и блузку прозрачную. Там не спрячешь. И вообще из офиса никто не выходил. Я все время в зале была. А потом вы вбежали…

– Вбежали, потому что сигнал подала… И куда ж, по-твоему, денежки испарились? Не муравьи же их растащили…

Ритка обреченно опустила обильно накрашенные глаза.

– Не знаю. Может, перепрятал куда?

– Мы там все перерыли. И в кабинете, и в зале. И людей обыскали… Слушай, а ты, часом, не обкурилась? Не почудились тебе эти пачки?.. Или, может, в кошки-мышки поиграть решила? Типа, я вам наводки даю, а дальше – ваши проблемы?.. Так эти игры плохо кончаются.

– Ну, прости, Стас! Я не знаю, как это вышло. Клянусь, видела деньги своими…

– Твое «прости» в кошелек не положишь, – перебил Стас. – Ты хоть понимаешь, дура, как ты нас подставила?.. Короче, так! Ты сколько должна?

– Две, – угрюмо отозвалась Рита.

– Теперь, считай, три… Даю неделю. Либо возвращай бабки, либо найди нормальную тему. Реальную. Иначе разговор будет тяжелым. В прямом смысле тяжелым! Чугунная батарея еще никому легкости в ногах не добавляла. Усекла?

Лжеуборщица обреченно кивнула. Это не мужчина – бульдозер, сметет и не заметит.

– Умница.

Стас выпрямился и кивнул в сторону стоявшего возле поребрика и мигавшего аварийной сигнализацией потертого «БМВ»:

– Садись!

Рита подняла на собеседника испуганные глаза, все еще обильно накрашенные, хотя под одним из них уже зависла черная, грозившая перерасти в чернильную дорожку слеза.

– Зачем?

– Домой подкину… Поздно уже, а я все равно мимо еду.

* * *

Интеллектуальный багаж двух курсов строительного техникума не особо помогал Быкову при знакомствах с дамами. Слава Богу, выручала служба в СОБРе.

– Никто до сих пор не знает толком, почему ее «лимонкой» называют… – увлеченно объяснял Леха, дыша Ане в ухо и стараясь переставлять ноги в такт музыке. – Одни считают, что из-за внешнего вида, а другие – что по имени англичанина Лемона, который эту гранату изобрел. Лично мне ближе второй вариант. По виду-то она больше на ананас смахивает, чем на лимон… А еще многие думают, что у «эфки» на корпусе канавки сделаны, чтобы ее легче на осколки разрывало. Это вообще глупость! При взрыве она на сотни маленьких частей разлетается, и рельеф корпуса здесь никакой роли не играет. А канавки эти сделаны, чтобы гранату удобней держать было.

– Ты хорошо разбираешься в гранатах, – равнодушно констатировала шатенка, глядя куда-то за спину партнеру.

– Работа такая.

– А чем ты занимаешься, если не секрет? Торгуешь оружием? – В больших глазах промелькнула надежда.

– Как раз наоборот. Отряд милиции специального назначения.

– Это ОМОН, что ли? – приподняла брови домиком новая знакомая.

– Нет, ОМОН это ОМОН… – снисходительно улыбнулся Леха. – Пехота. А мы – милицейский спецназ. Элита. По-старому – СОБР. Смех и радость мы приносим людям.

Музыка умолкла. Аня убрала с плеч Быкова ладони и, вместо того чтобы смаковать зародившееся высокое чувство, как-то торопливо двинулась к выходу из зала.

Кавалер трактовал это по-своему:

– Аня! Туалет – там!

Она повернулась к нему:

– Леша, ты извини, но… Словом, мне домой надо. Я тут договорилась с подругой встретиться, но она, видимо, уже не придет.

– Нет проблем. Я провожу!

– Нет, нет! Не надо… Пока!

– Телефончик-то оставь…

Анечка, не ответив, покинула зал.

Обескураженный Леха вернулся к барной стойке. Выглядел он, словно граната, у которой не сработал запал. Он же со всей душой, а она…

Опытный бармен «прочитал» ситуацию моментально.

– Повторим наш фирменный?

– Слушай, Сань, а лимонада «Буратино» нет? А то я ж формально не пьющий.

– Если очень надо – найдем, – пообещал мастер по коктейлям.

– Найди, будь другом!

Взяв стакан, Быков угрюмо уставился в пространство перед собой, не замечая, что на него тоже устремлен один обеспокоенный взгляд… И, увы, не женский.

* * *

Вернувшись с ночной охоты в родной отдел, участковый инспектор Гопченко бодро постучал в стекло, огораживавшее помещение дежурной части. Задремавший возле телефона помощник дежурного Коля Жиленков нехотя поднял голову.

– Здорово, Колюня! – приветственно махнул рукой Гопченко. – Заступил или сменяешься?

– Сменяюсь… – Жиленков зевнул и глянул на часы. – Ровно через сорок восемь минут. И сразу на фазенду рвану.

– Рыбачить, что ли?

– Если получится. Сосед на тех выходных щуку взял на четырнадцать килограммов…

– Везет же определенной категории граждан… А у меня на участке опять геморрой вместо рыбалки.

– Это по Захаровой, что ли?

– Ну… Вот, бляха-муха, не живется им спокойно! Семейка Адамс, честное слово. То гулянка до утра, да так, что весь дом уснуть не может, то драка… Где у тебя эта красотка отдыхает?

– В люксе, где ж еще, – ухмыльнулся Николай. – Заберешь?

Гопченко кивнул.

Помощник дежурного открыл дверь и впустил участкового внутрь.

За решеткой в каморке для задержанных, свернувшись калачиком на скамейке и подложив под голову куртку, спала молодая особа лет двадцати пяти в джинсах и футболке…

– Захарова, подъем! – объявил Жиленков, отпирая замок. – Выходим строиться!

Задержанная проснулась, приподняла голову, села, потянулась, открыв взорам двусмысленную надпись на футболке «Бог с тобой», потом извлекла из-под скамейки босоножки и принялась неторопливо застегивать ремешки.

– Мужчины, закройте дверь! – недовольно пробурчала она. – Женщина одевается, а они уставились…

– Вика, не выпендривайся, а? – поморщился участковый. – Зрителей все равно нет, а меня ты уже ничем не удивишь.

Девушка выпрямилась, поправила упавшие на лоб длинные волосы и театрально-жалобно попросила:

– Дяденька полицай, покурить дадите?

– Перезимуешь. Сначала разговор… Выходи давай!

* * *

Получив у оружейника автомат и кювету с патронами, художник Репин присоединился к лучшему другу Быкову, который за специальным столиком возле стены с трепетом снаряжал магазины.

– Да, повеселил… Ты бы еще в массажный салон пошел жену себе искать. Или в сауну… Слушать надо, что тебе советуют боевые товарищи, – какого лешего ты про гранаты разговор завел?

– А что, блин, – за футбол базарить?

– Железная логика! Или красное, или круглое – третьего не дано. Без комментариев… Пошли дальше. Вторая ошибка: ни в коем случае не следовало ей говорить, что ты – мент. Мы и вояки нынче у противоположного пола не в авторитете. Другие времена – другие ценности.

– Я, вообще-то, не девочку на ночь снимаю, – резонно возразил Леха. – Кем я должен представиться? Режиссером? Или кутюрье? Она ж все равно узнает.

– Узнает. Но сразу ломом по голове – не стоит. Невежливо. Для начала беседуй на отвлеченные темы. И вообще, говорить с женщинами о работе – дурной тон.

– А о чем с ними говорить?

– О чем угодно, но не о работе! Книжку какую-нибудь прочитай, вот и тема появится. А лучше – две. Только, ради бога, не «Наставления по стрелковому делу»… Теперь – ошибка третья… Сам говоришь, что не на ночь снимаешь. Следовательно, тебе нужна девушка скромная и порядочная. А скромные и порядочные девушки по кабакам не тусуются. Типичная среда их обитания – театры и музеи. Лично я для интимной охоты выбрал бы музей. Там, правда, народу меньше, но зато оперативного простора больше. И о живописи можно спокойно поговорить.

– Да не рублю я ни хрена в живописи.

– Поправимо, – успокоил художник-любитель. – Устроим тебе ликбез без отрыва от службы. Прямо сейчас, если не помешают. Живопись, Леха, в этом деле чрезвычайно удобная штука! Главное – побольше умных фраз и поменьше слов-паразитов. Ты должен сразу поразить ее своим, извини за грубое слово, интеллектом. «Интересное композиционное решение»… «Экспрессивная цветовая гамма»… «Потрясающее созвучие оттенков», «Эксцентричная трактовка пропорций» и тэ дэ. Только безо всяких «блинов». Ты вот над моими картинами смеешься. А посмотри на них с умным видом и скажи так задумчиво: «Очень смелое решение форм!» Совсем другой эффект будет. Твоя девушка ни черта не поймет, но уважением проникнется. И к художнику, и к тебе.

Анатолий закончил снаряжать магазины и понес обратно пустые кюветы.

– Музей, блин… – криво усмехнулся Быков, направляясь следом за ним. – Туда ж, кроме старых дев, никто и не ходит…

* * *

– Ну, а дальше? Дальше что? – поторопил участковый Вику.

– Да ничего… – Та продолжала разглядывать сломанный ноготь. – Бутылку допили, а Ритки нет и нет. Все, говорю, спать иду… А он почему-то решил, что я его с собой приглашаю. В комнату вломился… А я что – девочка по вызову? Или, раз пузырь паленого коньяка притащил, так теперь все можно? Вот и двинула ему по роже… Пепельницей.

– Хорошо двинула. Перелом носа.

– Я девушка хрупкая и отчаянно защищала неприкосновенность. Которая, между прочим, Конституцией охраняется!

Гопченко раздраженно бросил на стол авторучку.

– Когда припрет, вы все про Конституцию вспоминаете! Раньше про нее вспоминать надо было. Устроили, понимаешь, притон из квартиры… Каждую неделю разборка… На вас жалоб от жильцов уже столько, что роман писать можно! Чего молчишь?.. Батя когда освободится?

– Через год. Девятого ноября.

– Во-во! Тоже тот еще подарочек будет. Как раз ко Дню милиции… А ведь все от безделья. Ты работу когда найдешь?

– Я смысл жизни ищу, – вздохнула Вика.

– Заметно… А Ритка? Тоже в поисках?

– Устроилась. В фирме какой-то, уборщицей.

– Хоть одна за ум взялась… Слушай, Захарова, ну ты же красивая баба! Неужели самой не противно так жить? Будто бомжиха вокзальная…

– Сигарету дадите?

Участковый вздохнул, полез в карман, выложил на стол пачку «Петра Первого» и зажигалку.

– Я тебя серьезно прошу: завязывай куролесить! Сегодня пепельница под руку попалась, а завтра – нож… И все, жизнь удалась!

– А чего, этот урод заяву накатал? – поинтересовалась искательница смысла, закуривая.

– Нет, не стал. Из «травмы» телефонограмма поступила, вот и разбираемся. А Зуев сказал, что и без милиции с тобой все вопросы порешает. Самостоятельно. И правильно сделает, между прочим! Особенно, если не на моем участке… Раз уж до тебя по-хорошему не доходит, то пусть общественность сама меры воздействия принимает. Как в старые добрые времена.

* * *

Все еще не признанный современный художник Репин развернул монитор в сторону пережившего первый развод, но не сломленного Быкова.

– Вот, нашел! Вообще-то, в нашем музее единственная по-настоящему ценная вещь – люстра в вестибюле. И то потому, что большая и бронзовая… Но вот эта картина для наших целей, пожалуй, сгодится. Называется сей шедевр «Портрет неизвестного с букетом». Период не указан, но в первом приближении вполне сойдет за восемнадцатый век. Даже за семнадцатый, если очень постараться… О, точно – Ван Дейк! Запоминай, между прочим: Антонис Ван Дейк. Был такой художник в начале семнадцатого века. Фламандская школа, ученик самого Рубенса. Очень модный в свое время. К нему очереди из знати выстраивались за портретами, как голодные за хлебом.

– Так тут же написано, что работа – неизвестного художника!

– На сигаретах тоже кое-что пишут, однако ты куришь. Творчески надо мыслить! Вот послушай, что расскажу… Мы с Ленкой несколько лет назад, когда она еще в бизнес не ударилась, дикарями в отпуск ездили. В Крым, в Евпаторию. Нормально отдохнули, кстати сказать… Так вот, там в одном из кварталов старого города интересный памятник имеется. Обычный с виду колодец, с водой даже, а из него бронзовый кувшин выглядывает. Восточный такой, с узким горлом. Мы еще долго гадали, что эта штуковина собой символизирует… А тут как раз к колодцу экскурсия подходит с дамочкой-гидом.

Короче, детали я уже не помню, но фишка в том, что когда-то здесь, на этой улице, жили юноша и девушка. Он был кузнецом, а она – дочерью местного купца. Ну, раз юноша и девушка, то, понятное дело, любовь-морковь, клятвы при луне и все такое… И в знак своей любви парень выковал и подарил возлюбленной красивое ожерелье с тремя серебряными монетками. А также обещал заслать сватов.

Все, вроде, прекрасно, но, когда девушка дома насчет загса заикнулась, папаша – на дыбы! Дочь была первой в городе красавицей, многие на нее глаз положили, и у купца на этот счет свои планы имелись. Бизнес за счет калыма поправить хотел. Юноша же был простой кузнец и в эти планы не вписывался. А чтобы он под ногами особо не путался, папаша пустил по городу слух, что дочку увезли к дальним родственникам в другой город и там вскоре выдадут замуж. Дочери на улицу соваться строго-настрого запретил, а прочим домочадцам приказал молчать в тряпочку, а не то язык отрежет. Гулять ее выводили по часам, только во двор и под строгим контролем, словно арестованную. Дома в Крыму в те времена на мусульманский манер строили: высокий забор и все окна – во внутренний дворик. С улицы ничего не увидишь.

Тем временем юноша, как водится, впал в тоску. Не ест, не пьет и все свободное от службы время грезит исключительно о своей любимой.

А напротив дома, где кузнец жил, имелся колодец, к которому ходили все жители окрестных домов. И однажды, гуляя во дворе, арестованная дочка через щелочку в воротах увидела, что мать ее возлюбленного набирает в кувшин воду. Решила она ей сообщить, что я, мол, на самом деле тут, никуда не делась. Только вот как?! Знак никакой не подашь, ворота закрыты. Кричать – вся прислуга переполошится… И тут осенило! Оторвала она от пода-

ренного любимым ожерелья монетку и бросила ее через ворота. Монетка упала в дорожную пыль в двух шагах от женщины. Бросила она вторую монетку, но снова мимо. Монетка упала в колодец… Оставалась последняя надежда. Девушка вознесла молитву Аллаху и бросила третью монетку. И – о чудо! – та угодила прямехонько в кувшин.

Мать юноши в этот момент с соседками сплетничала и ничего не заметила. Но дома, выливая воду из кувшина в чан, увидела выпавшую оттуда серебряную монетку. Она тут же крикнула сына, чтобы тот полюбовался на чудо. Юноша прибежал, монетку опознал и в момент все понял.

Является он к купцу с топором в руке и заявляет: «Мне все известно. Обманул ты меня, старый плут: твоя дочь здесь, под домашним арестом! Сам Аллах послал мне этот знак…» И предъявляет тому вещественное доказательство. Ну, а против вещдоков и топора не попрешь. Сдался купец. Хеппи-энд, одним словом. Как в Голливуде.

– Слышь, Пикассо, – поморщился Быков. – Я ж не экскурсия, мне-то ты чего по ушам ездишь?

– Леша, прекрати разговаривать как блатной! И сначала дослушай. Колодец этот с тех пор получил название «Колодец любви». Некоторое время он был совсем заброшен, но потом, в память о древней красивой легенде, его восстановили и превратили в памятник. Теперь сюда постоянно приходят молодожены и просто влюбленные. Каждый из них с расстояния в несколько шагов кидает в бронзовый кувшин три монетки. Есть примета: если хоть одна из них попадет вовнутрь, то этой паре суждена долгая и счастливая семейная жизнь… Но тот, кто не попадет, тоже пусть не отчаивается. Если даже, мол, просто подойти и опустить монетку в кувшин, то на небесах это все равно зачтется.

Все, кто рядом был, как это услышали, сразу принялись швырять монеты в кувшин. Ленка тоже за кошелек схватилась. Давай, мол, доказывай свои чувства! Пришлось подчиниться. Только там мишень такая, что не сразу и попадешь…

А вечером мы с сыном нашей домохозяйки – он, кстати, в местном УВД работал – сели во дворе под виноградником, домашнего винца попить. Ну, тот как обычно: где сегодня были, что видели? Ленка ему и рассказала про колодец. Парень ржет. Ерунда, говорит, это все! И выложил, как все на самом деле обстоит.

В те времена на том месте никакого колодца быть не могло. Там, оказывается, пастбище было для овец. А колодец только в середине девятнадцатого века выкопали, когда город разросся. Много позже, уже после Великой Отечественной, в окрестных дворах свои колонки появились, и колодец не нужен оказался.

А в наши дни ребятам из маленькой экскурсионной шарашки пришла в голову мысль сделать маленький бизнес. Сочинили они за бутылочкой подходящую легенду, подчистили колодец, местный Церетели кувшин сваял, и потекли денежки! Вы, спрашивает, с Леночкой сколько там оставили? Полтинник?.. Правильно! Пройдет в день сотня таких же – вот вам и пять тысяч. Монеты в подавляющем большинстве в колодец падают. А там, на дне, у них сетка специальная подвешена. Каждый вечер торжественный подъем устраивают. И из кувшина денежки тоже извлекают. Палкой с пластилином… Местные монеты – сразу в дело, а российские потом у проводников на бумажки обменивают. Вот так!

– Ну, и к чему ты это все? – скривился свежеразведенный. – Они ж не воруют… Никто вас с Ленкой не заставлял деньги в кувшин кидать.

– Так я и не в претензии. Наоборот, даже интересно было… В том-то и фокус, что ребята не воруют, а самым честным образом изымают финансовые излишки из карманов развесивших уши туристов. А все потому, что мозгами головы шевелить умеют. Вот и ты, если хочешь чего от женщины добиться, тоже должен мыслить чуть шире рамки футбольных ворот. Или радиуса разлета осколков… Напряги, наконец, вмятину от фуражки! Придумай какую-нибудь душещипательную историю про того же незнакомца, который с букетом…

Что на самом деле, мол, никакой это не «неизвестный художник», а самый настоящий Ван Дейк. Только это, якобы, великая тайна, одному тебе известная.

– Хороша тайна… Она, раз по музеям шастает, то наверняка в этом деле соображает. А если потом узнает, что это все – туфта?

– Чудак ты, Леха. Ну и пусть узнает! Ей ведь главное не то, что это Ван Дейк, а то, что ты ради нее легенду сочинил. Ради нее, понимаешь? Она и без его портрета себя английской королевой чувствовать будет… Короче, я тебе до вечера подберу кое-какой матерьяльчик. Вызубришь, творчески переработаешь и – вперед! Да, еще одно… – Анатолий критически посмотрел на друга. – Видуха у тебя какая-то неинтеллигентная. Как у вышибалы ресторанного. Не являешься ты эталоном мужской красоты. Особенно нос.

– Нос как нос, – буркнул Быков, пощупав переносицу. – Волосы отпускать и платок на шею повязывать не намерен. У меня не та… цветовая гамма.

– И не надо. А вот очки купить не помешает.

– Зачем?

– За умного сойдешь. Согласно последним независимым исследованиям, женщины считают очки признаком ума. Типа, много читал, вот и посадил зрение. А раз много читал, то, следовательно, умный… Вот и давай слабый пол не разочаровывать. Купи очки с простыми стеклами в любой оптике. Только на оправе не экономь. Оправа должна солидно выглядеть… И начинай по капле выдавливать из себя мента.

– Может, бляха, еще педикюр сделать?

– Педикюр?

Репин отошел от Алексея на пару шагов и, с серьезным видом снова окинув его взором, отрицательно покачал головой:

– Нет, пока обойдемся. А остальные проблемы будем решать по мере поступления… Все, дерзай!

* * *

Выслушав младшую сестру, Рита затушила сигарету в стоявшей на подоконнике консервной банке.

– Да, дела… Зачем ты вообще его впустила?

– Это, между прочим, твой кадр, а не мой, – повела плечами Вика. – Что ж его, на пороге держать? Откуда я знала, когда ты вернешься?.. А он бутылку принес, сигареты… Посидели немного. Сначала все, вроде, нормально было, а потом ему сперма в голову ударила. В койку потащил, козлина. Вон, синяк на руке… Н у, я схватила пепельницу – и по роже…

– Пепельницу бы пожалела… Смотри, сестренка! У Витьки с головой беда полная. Не приведи бог, подкараулит в укромном месте.

– Да пошел он… И что за мужики нынче стали? Суслики какие-то озабоченные.

– Ну да! А ты хочешь, чтоб сразу и богатый, и умный, и добрый, и чтобы салюты в твою честь запускал… Такое только вон, – Рита указала рекламный плакат к фильму «Красотка», висевший на стене комнаты, – в Голливуде бывает.

– Я нормального хочу, – поморщилась сестра.

– Нормальные перевелись. Всем непременно что-то надо.

Рита печально посмотрела в окно – все та же переполненная помойка. Ничего принципиально нового, если не считать чей-то рваный носок, одиноко повисший на ветке тополя. Все-таки именно бытие определяет сознание, а не наоборот. Вот жили бы они на Рублевке – и никаких тебе Витьков и Стасов. Другие мужики – другая жизнь. А здесь… Как не корячься, а все равно выше швабры не прыгнешь.

– У меня тоже проблемы, – вздохнула она после недолгого молчания. – Стас неделю дал. Деньги или новая тема… А где я ему новую тему найду? Это ж еще куда-то устраиваться надо. А если прямо сейчас уволиться, в конторе сразу поймут, кто на них навел… Чего делать-то, а?

– Пошли его подальше.

– Ага, пошлешь его, как же… Это тебе не Зуев, он по роже бить не станет. Уже намекнул, что будет… Господи, как же надоело все!

* * *

Быков, развалившись на диване, изучал сделанные Репиным распечатки.

– Ван Дейк, Антонис, отчества не имеется, родился в 1599 году в Антверпене, – бормотал он себе под нос, стараясь одновременно запомнить прочитанное. – Один из лучших портретистов в истории мировой живописи. Обучался и некоторое время работал в мастерской Рубенса… Принят в гильдию живописцев имени Святого Луки… Чего-то я про этого Святого Луку слышал! Кино такое было, вроде… Так… Ага! В 1632 году уезжает в Лондон… Н у, разумеется! Куда же еще… Наиболее известные работы: «Портрет детей Карла Первого», «Портрет братьев Стюарт», «Портрет лорда Уортона»… Нет, это же хрен запомнишь! Лорд… как его там?.. У-ор-тон… Дал же бог фамилию… И почему не Швайнштайгер? Так, дальше… Скончался в 1642 году, похоронен в Соборе святого Павла… За свою недолгую жизнь создал более девятисот полотен… Ого! В декабре 2009 года последний автопортрет художника, написанный им в 1640 году незадолго до смерти, был продан на аукционе «Сотбис» в Лондоне почти за двадцать пять миллионов долларов… Не кисло, однако! Как, блин, все это запомнить?

Быков отложил бумаги, поднялся с дивана и достал из шкафа свой дежурный свадебный светло-серый костюм. Облачившись, он повязал галстук и критически посмотрел на себя в зеркало. Затем, вспомнив, достал из сумки очки и нацепил их на кривой нос.

Нос ему перебили еще в воздушно-десантных войсках, куда он отправился, бросив техникум. Леха успокаивал себя тем, что у Бельмондо, кумира детства, тоже перебит нос. И ничего – звезда.

В этот момент дверь отворилась и в комнату вошла мать.

– Ой, Леша… – Она уставилась на сына. – А ты что, очки носить стал? Со зрением плохо?

– Не, мам! – успокоил тот, продолжая разглядывать собственное отражение. – Это бутафория. В профессорскую среду внедряюсь, вот и приходится выглядеть соответственно.

– В профессорскую? – Мать недоверчиво склонила голову. – А что, теперь уже и эти разбойничают?

– По имеющейся информации, краеведческий музей хотят грабануть. Только – никому! Оперативная тайна.

– Да брось… Разыгрываешь?

– А что им еще делать, при их-то доходах? Вон, Серега Елагин рассказывал… У него знакомый профессор есть, в консерватории. Зарплата – восемь тысяч. Этот, правда, грабить не пойдет, поскольку непыльную халтуру нашел. В церкви поет. У него теперь халтура – это работа, а работа – так… хобби. Н у, и для стажа, конечно… Только петь-то далеко не все профессора умеют, вот и вынуждены становиться на зыбкий путь грабежей и разбоев…

Леха оторвался от зеркала и, с абсолютно серьезным видом посмотрев на мать, философски изрек:

– Другие времена – другие ценности.

Матушка покачала головой.

– Страшно это все… Постой! Надо ж, наверное, дядю Жору предупредить.

– Насчет чего? – Сынок вернулся к дивану и снова взял распечатки.

– Он ведь теперь тоже в музее работает. В усадьбе Стропилина, смотрителем. И живет там же. Правда, в усадьбе ремонт сейчас, но все равно… Пусть поосторожней будет. А то ночью там, кроме него, никого нет.

– Ну, предупреди. Только по-тихому… – пробормотал собровец, не отрываясь от бумаг. – Нет, подумать только! Двадцать пять «бакинских лимонов» за одну картину… Месяц кисточкой помахал и всю оставшуюся жизнь можно не работать. Чтоб я так жил!

* * *

Вика давно привыкла к тому, что пользуется повышенным вниманием противоположного пола. Иногда это напрягало, но в целом повышало самооценку. Вышагивая по улице летящей походкой, она не без удовольствия ловила на себе восхищенные мужские взгляды.

Вот и сейчас. Какой-то ухарь, двигаясь навстречу, громко цокнул языком и обронил на ходу:

– Девушка, любовью не торгуете? Я б купил… Оптом!

Вика обернулась и уже раскрыла рот, чтобы ответить нецензурно, как вдруг заметила на противоположной стороне улицы Витьку Зуева с приятелем. Они выходили из машины и как-то не по-доброму глядели в ее сторону. Переносица у Витьки была заклеена широким пластырем. Да, участковый не соврал. Перелом со смещением…

«Вот, блин!..»

Она бросилась наутек – хорошо, что в кроссовках. Пересекла небольшой сквер, свернула под арку стоявшего за ним дома и через двор выскочила на параллельную улицу. Оглядевшись, увидела впереди старое здание краеведческого музея с широкой парадной лестницей и колоннами и кинулась к нему.

Вбежав по лестнице, Вика перевела дух и осторожно выглянула из-за колонны. Преследователи остановились и начали озираться. Затем Витька махнул приятелю рукой в сторону музея, а сам бросился в противоположную сторону.

Оставался единственный выход. Вернее, вход. В музей.

– Здравствуйте!

Пожилая женщина в униформе, сидевшая в вестибюле за небольшим столиком, обрадовалась редкой посетительнице.

– У нас по будням теперь скидка, пятьдесят процентов. Милости просим! В фойе проходит фотовыставка «Прошлое и настоящее нашего города». Очень интересные фотографии, и…

– Давайте! – не дослушала Вика, лихорадочно ища в сумочке кошелек.

Сжимая в руке билет, она быстро прошла в фойе. Осторожно приблизилась к окну и заглянула на улицу. Преследователи топтались на прежнем месте и переговаривались, хищно поглядывая в сторону музея.

Выбора не оставалось. Придется знакомиться с прошлым и настоящим родного города…

* * *

Когда родственники спрашивали у мамы про Машу, та неизменно отвечала, что Машенька очень умная и талантливая девочка и что у нее много подруг. Из этого следовал завуалированный подтекст, что Маша, увы, далеко не красавица. Фигурка, правда, смотрелась вполне прилично, а вот на всем остальном природа явно отдохнула. В свои двадцать

один девушка уже успела свыкнуться с мыслью, что мужчины любят глазами, а она для их глаз слишком яркая звезда, – не каждому дано оценить ее блеск. В этом ее убедила мама. И даже сумела обосновать, что оно и к лучшему, поскольку личная жизнь будет только вредить творчеству. Посему к мужчинам Маша относилась хоть и снисходительно, как к братьям своим меньшим, но без интереса. Интерес ее лежал в другой плоскости.

Маша училась в Санкт-Петербурге, на последнем курсе Художественно-промышленной академии имени барона Штиглица, которую студенты и преподаватели по старой памяти все еще называли «Мухой». На практику ее определили в родной Юрьевск, и она теперь безвылазно торчала в краеведческом музее, копируя выставленные здесь картины.

Девушка расположилась спиной к входу в зал, поэтому Быков, едва появившись в дверях, перво-наперво имел возможность оценить ее фигуру. Фигурка произвела весьма благоприятное впечатление. Удовлетворенно хмыкнув, он осторожно приблизился и посмотрел через Машино плечо на этюдник.

– А здорово у вас получается…

– Правда? – довольно улыбнулась та.

И обернулась.

Леха на ногах устоял – сказалась собровская закалка. Видывал и не такое. Да собственно, ничего устрашающего в Машином лице он и не узрел. Но и ничего для себя привлекательного. Как выразился один товарищ по метанию топоров: «Девушка, не имеющая промыслового значения».

– Ну, да… Точная передача настроения… Типа… Блеск.

– Да-да, вы правы! В этих картинах самое главное – именно настроение… А вам тоже нравится Измайлов?

Начинающий искусствовед решил ответить честно.

– А разве есть такие, кому не нравится Измайлов?

– К сожалению, его не все понимают.

– Плохо объясняли…

«Как обидно… Грудь у нее – первый класс». Попробовал подняться выше – опять облом: взгляд художницы выражал исключительно любовь к искусству, не приемля никаких конкурентов в штанах или без.

Опытный глаз остановился на висюльке, украшавшей упомянутый «первый класс». Небольшой, гладко отполированный темно-синий камень неправильной формы, на котором парила серебряная фигурка Купидона.

– Какой у вас брелок интересный!

– Кулон, – с улыбкой поправила Маша. – Сама делала. Моя курсовая работа за прошлый семестр.

– Браво…

Быков приподнял очки и бесцеремонно склонился к груди девушки, дабы рассмотреть Купидона поближе.

– Неправильно лук держит, – констатировал он, выпрямляясь. – Рука должна держать древко точно посредине. Иначе момент силы распределяется неверно, и стрела летит не туда … Н у, не буду вам мешать!

И Леха поспешил в следующий зал, сопровождаемый взглядом, в котором, несмотря на всю бескорыстную любовь к искусству, все-таки читалось легкое разочарование…

* * *

Пробежав анфиладу примерно до середины, Вика оказалась в небольшом зале, по стенам которого были развешаны картины. Слева от входа стояла небольшая скамеечка.

Озираясь, она присела на скамеечку, устало прикрыла глаза и попыталась успокоиться. Посетителей в этот час не было, и постепенно тишина и приглушенная атмосфера дали о себе знать. Вскоре она задремала, что не удивительно: недавняя милицейская камера – не отель. Сумочка плавно соскользнула на пол, но Вика, откинув голову назад и прислонившись затылком к стене, этого уже не почувствовала…

Очнулась она от легкого прикосновения к руке.

– Эй!

Испуганно вздрогнув, Вика открыла глаза и увидела перед собой рыжеватого здоровяка в светло-сером костюме.

– Сумочку украдут, – улыбнулся тот, поправляя очки.

– А… Да, спасибо. Я… я просто задумалась.

– Ничего. Знаете, я в том году в Париже был. В Лувре… Там люди прямо на полу часами сидят. Некоторые дремлют, но никто их не трогает. Свобода!.. Но у нас не Лувр. Я – в смысле экспозиции. Действительно сон нагоняет… За исключением вот того полотна!

Присев рядом, Леха кивнул на висевшую слева от них картину с изображением мужчины с цветами в руке.

– Хотите, открою один секрет?

– Открывайте, – безразлично ответила Вика, словно речь шла об открытии бутылки пива.

– Вы знаете, что это?..

– Ну, мужик…

– Это работа Ван Дейка! – заговорщически прошептал «искусствовед» и слегка наклонился к ее плечу.

– Ну и что?

– Как что?! Сам Антонис Ван Дейк! Натуральный! Один из лучших портретистов в истории. Ученик великого Рембрандта… То есть, блин, Рубенса… Последняя работа Ван Дейка в прошлом году в Лондоне, на аукционе в… в Челси… за двадцать пять миллионов долларов ушла.

– Да ладно… – Вика враз стряхнула сон. – Двадцать пять лямов?

– Ага… А самое интересное, что никто здесь, в Юрьевске, пока не подозревает, что это именно Ван Дейк. Пишут – «работа неизвестного художника».

– А вы-то откуда знаете? – Вика слегка ошалела. Никто никогда за ее короткую жизнь не заговаривал с ней об искусстве, разве что в школе.

– Понимаете, у меня приятель есть, из Москвы. Его сразу после института искусствоведом назначили в Третьяковскую галерею. Так вот: он ко мне в начале лета в гости приезжал. Увидел эту картину – и сам не свой стал. К директору сразу побежал, бумаги смотрел какие-то… Я еще понять никак не мог, чего он суетится. А на прошлой неделе письмо от него получаю. Оказывается, эта картина во время войны из Эрмитажа эвакуирована была. Потом у них какие-то документы то ли сгорели, то ли под бомбежку попали… Ну, обычный бардак, словом. Теперь часть картин из коллекции считается безвестно пропавшей. И этот неизвестный с букетом тоже потерянным числится! То есть числился, пока мой приятель эту историю не раскопал… Вот теперь хожу, любуюсь напоследок. На днях из Москвы и Питера целый десант прибудет. Заберут шедевр обратно в Эрмитаж. Вы посмотрите, какая красота…

Вика поднялась и шагнула к картине. Быков поспешил следом и встал позади нее. Некоторое время она молча разглядывала портрет, а он – ее фигуру.

– Семнадцатый век, – пояснил после паузы любитель живописи. – Конгениально… Потрясающее чувство пропорции… Меня, кстати, Алексеем зовут… Простое такое, фламандское имя.

– А?.. А-а-а… Меня – Виктория. Вика.

– А вы здесь часто бываете?

– Так… По настроению. – Девушка кивнула на вазу. – Букет неудачный.

– В каком смысле?

– Розы с орхидеями не сочетаются.

– Да? – Быков перевел взгляд с ее декольте на цветы. – Вообще-то, вы правы. Цветовая гамма не очень… Но все равно – сам Ван Дейк!.. А потом, это ж шестнадцатый век. А тогда все сочеталось.

* * *

Оперуполномоченный Никифоров ткнул пальцем в лежавшую на столе фотографию.

– Андрюха, я тебе сто пудов кладу, он это!

– Ну, допустим. И что с того, что сотрудник СОБРа в «ночник» разок сходил? Нашел криминал… – пожал плечами Бухаров. – Сам-то ты тоже там был.

– Я – по делам. С человеком встречался.

– Может, и он – по делам.

– Хороши дела! Девок щупать и коктейли трескать…

– Можно подумать, ты не щупаешь.

– А знаешь, сколько в «Коралл» билет стоит? – вскинулся Бухаровский напарник. – На нашу зарплату туда не находишься. А если фирменные коктейли глушить, так за один заход без штанов останешься. А он у них – постоянный клиент! Бармена по имени знает.

– Ну да… Наши люди в булочную… – Бухаров посмотрел на молодого коллегу с сочувствием: – Юрасик, у тебя в голове мозги или кю? Ночным клубом мировую общественность нынче не удивишь. Что-нибудь посерьезней имеется?

– Будет и посерьезнее. Дай срок.

Никифоров отпер сейф, достал оттуда тоненькую папочку и вложил в нее фотографию Быкова.

* * *

Они неспешно брели в сторону выхода. «Искусствовед» продолжал лекцию, вызубренную несколько часов назад, но не избавленную от слов-паразитов.

– Вообще-то, Ван Дейк странным товарищем был. Прикинь, он когда покидал Рубенса, тот позволил ему взять, что нравится. Как лучшему ученику. Имел в виду, конечно, картины. А Ван Дейк присмотрел конягу. Лучшего скакуна из конюшни мастера. Картины-то он и сам нарисует, а конь по тем временам не слабо стоил.

– И в чем странность?

– Ну, как в чем? Представь: тебе предлагают на выбор – картину Рубенса или, скажем, «мерина». Ну, то есть «мерседес». И что бы ты выбрала?

– Ну, наверно, Рубенса…

– Правильно! Это же фламандская школа! Проложила целое направление в живописи. Его часто сравнивают со стилем барокко в архитектуре. – Леха, подобно опытному экскурсоводу, поднял палец вверх. – А тут какая-то лошадь, которую еще и кормить надо. И кто вообще про нее потом вспомнит?

– А я в живописи совсем не разбираюсь. То есть смотреть люблю, а вот определить, чья школа или кто нарисовал, не смогу.

– Я тоже сначала шугался, но потом въехал. Тут, в принципе, ничего сложного нет. Сейчас объясню по ходу. Если на картине голые культуристы – это Микеланджело. Когда

темно и все страдают – Тициан. Ежели целлюлит даже у мужиков – это однозначно Рубенс. Много маленьких людишек – Брей… Брей… Гель. Да, Брей Гель. Много маленьких людишек плюс всякая непонятная фигня – тогда Босх. Который, извини, Херонимус… А если просто одна фигня – это Кандинский, – выпалил практически без запинки Леха.

– Да, это жутко интересно… Слушай, Саш, а ты чем занимаешься?

– Вообще-то я Леша…

– Ой, извини… У нас в подъезде парень живет, очень на тебя похож. Так ты чем занимаешься?

– Так… Бизнес у меня.

– Бизнес?.. А ты, случайно, не на машине? Понимаешь, я ногу сильно натерла, и если бы ты меня домой отвез…

– Так нет проблем! Правда… – Быков почесал переносицу. – У меня джип в ремонте сейчас. Амортизаторы меняют… Но ты не переживай! Частника тормознем.

Пока он ловил машину, она осмотрелась. Ни Витьки, ни его приятеля не заметила. Но расслабляться рано. Они наверняка ждут ее возле дома. Значит, новый знакомый не помешает. Подставлять его под раздачу не хотелось, конечно, но своя шкура ближе к телу. Тут уж не до сантиментов, выжить бы.

Тот уже остановил частника и, улыбаясь до ушей, открыл заднюю дверь.

– Прошу!

Дорога к дому обошлась без погонь и перестрелок. Искусствовед, сверкая очками, продолжал что-то вещать про живопись, она слушала вполуха, посматривая назад – не упал ли кто на хвост.

Он заметил ее состояние.

– Проблемы?

– Нет… Все в порядке.

Но все оказалось не в порядке. Совсем не в порядке. Витька, как она и предполагала, караулил возле жилой площади. В машине, вместе со своим приятелем.

– Эй, подруга! Посмотри на меня…

Они перегородили единственную дорожку к подъезду.

– В чем дело?

– Рассчитаться бы, – язвительно улыбнулся Витька. – Поехали, покатаемся!

И схватил Вику за руку.

– Минуту, джентльмены! – из-за спины девушки возник искусствовед Быков. – В чем, собственно, проблема?

– Не твой вопрос. Вали отсюда, пока телескопы не попортили…

– Это не телескопы, а признак ума. Читаю много и вам советую. Отпустите ее, пожалуйста.

Зуев притворно улыбнулся, отпустил Вику. И вдруг нанес очкарику мощный удар в челюсть. Вернее, попытался нанести. Он же не знал, что человеку, чьи руки привыкли к топорам и вилам, кулак – за счастье.

Очкарик чуть отклонил голову чуть назад, и кулак пролетел в нескольких сантиметрах перед его носом. Витька потерял равновесие и едва удержался на ногах.

– Ах ты, паскуда!

Он сделал вторую попытку, но противник снова ловко уклонился. Ответных ударов он не наносил, хотя имел на это полное моральное право.

– Вы что, мужики? Зачем же драться-то? Давайте спокойно поговорим. Культурные же люди, мать вашу…

– Сейчас, козел… Поговорим!

Между тем Вика, увидев, что Витек с дружком полностью переключились на ее спутника, скользнула в подъезд и предусмотрительно захлопнула за собой дверь. Она и рада была ему помочь, только не знала, как – никаких подручных средств вроде пепельницы на этот раз не оказалось.

Заметив, что объект из поля зрения скрылся, супермен Быков снял очки и сунул их в нагрудный карман. Уклонившись от очередной атаки, которую на сей раз предпринял второй противник, он тут же носком ботинка нанес ему сильный и точный удар сбоку, по колену опорной ноги. Парень вскрикнул от боли и рухнул, как одуванчик, сбитый тростью какого-нибудь пижона. Попытка подняться закончилась криком разочарования. Витька, не ожидавший от «ботаника» такой прыти, получил удар снизу в челюсть и мешком осел на землю.

Леха бросился к подъезду – догнать объект, но… Увы, путь преградил домофон. А его не вырубишь. Даже вилами. Пришлось вернуться к противнику.

Зуев, судя по положению тела, находился еще в нокауте. Челюсть стремительно опухала.

Быков наклонился к его приятелю и потрепал того по плечу:

– Слышь, дружище, а она в какой квартире живет?

– Су-у-у-ка… – простонал парень. – Ты мне ногу сломал…

– А ты хотел, чтоб еще и руку? Короче, так! Запомни сам и передай по цепочке: еще раз кого-либо из вас возле Вики увижу – будем принимать решительные меры. Тебе уже не только ногу покоцаю, а все отростки, которые из туловища торчат. А ему – нос до затылка в башку вобью. Ни один хирург чинить не возьмется. Усвоил?.. Н у, тогда пока! И не валяйся на земле. Простудишься…

* * *

Красная «девятка», тяжело преодолев последние метры грунтовой дороги, остановилась у края огороженного колючей проволокой поля. Столбы изгороди давно покосились, проволока местами была втоптана в землю, а на проржавевшей табличке с трудом можно было разобрать надпись: «Проход запрещен. Опасная зона».

Быков вытащил ключ зажигания и выбрался наружу. Открыл багажник и один за другим извлек оттуда несколько фанерных щитов с закрепленными на них ростовыми мишенями.

– Завтра по квартирам прошвырнусь. Пробью, где она живет.

– А оно тебе надо? – спросил Репин, принимая у друга щиты.

– Твоя же теория! Музей, культура… Да и внешне клевая. А если подкрасить да приодеть, так и вообще – хоть в рекламу.

– Хозяин – барин. Наш профессор математики говорил, в Китае существует закон, по которому запрещено спасать утопающих. Мол, вмешательство в судьбу… Определенная логика в этом есть, поэтому и я не стану тебя отговаривать… Пошли!

Он кивком указал в сторону небольшого бруствера, видневшегося на огороженной территории.

Прихватив мишени, друзья двинулись в указанном направлении.

– А кем ты ей представился? – полюбопытствовал взрывотехник.

– Да уж не ментом… Барыгой, как ты и советовал. Сказал, что у меня бизнес.

– Ну-ну… – Автор батального полотнища «Битва козлов с петухами» бросил насмешливый взгляд на левую руку искателя любви. – Часы «Командирские». Наградные, конечно… Правильно, братуха, олигархи только такие часы и носят! И девушек до дома подвозят исключительно на частниках… Леша, у настоящего бизнесмена не одна машина должна быть.

– А у твоей Ленки сколько?

– Ленка – другое дело. Она не бизнесмен, а бизнес-вумен. У вуменов свои тараканы… Ладно, не вешай нос! Как говорят, свято место с бюстом не бывает. Найдешь себе другую… вумен.

– Главное, сама ведь попросила домой отвезти… – Леха словно не слышал друга. – Если б не эти уроды… Ну, что за непруха?

– Разве это непруха? Вот у меня – точно непруха. Ленка хорька купила.

– Какого хорька?

– Обычного. Который кур ворует. Говорит, сейчас модно. Представляешь, эта публика – деловые то бишь, – теперь в гости друг к другу с хорьками ходит. Хорошо еще, не с крокодилами… Совсем уже у ребят крыша едет. Скоро целые зоопарки на дому устраивать будут… И не возразишь ничего – квартира-то ее! Бизнес-вумен… А этот гад всю ночь по клетке носился и верещал, как еретик на дыбе. Только засну – он, сволочь, в крик… Стоп! Здесь. Вот как раз и окопчик подходящий…

Репин отошел метров на десять в сторону и воткнул в землю небольшой колышек.

– Значит, пять метров, как по схеме?

Быков кивнул.

Художник-взрывотехник достал из кармана моток калиброванной веревки с петлей на конце. Накинув петлю на колышек, он быстро очертил круг.

– Ставим!

Они воткнули по периметру круга шесть ростовых мишеней, развернув их плоскостью к центру, после чего вернулись к окопчику.

– На! – Создатель натюрморта «Конец ваххабита» протянул коллеге гранату. – Только постарайся в центр попасть.

– Завтра же поеду, – пробормотал тот, беря в руки «эфку».

– Э-э! Ты сейчас о гранате думай, а не о бабах! С этими вещами не шутят.

– Если б хотела отшить, отшила бы сразу. Верно?

– Хотела – не хотела… Да просто поняла, что никакой ты не барыга, и свалила! Я же тебе, Леха, говорю: любовь – это взрыв. А взрывная волна всех одинаково накрывает. Ей без разницы, сколько у тебя в кошельке… Кидай давай!

Искатель семейного счастья вздохнул. Потом прикинул расстояние до цели, выдернул чеку и, размахнувшись, бросил гранату в круг. Но в самый последний момент опорная нога, стоявшая у самого края окопчика, вдруг поехала на влажном грунте вниз. Граната, брошенная, в общем-то, в нужном направлении, полетела чуть правее. Ударившись о ближайшую мишень, она отскочила обратно и упала в нескольких шагах от метнувшего ее. Репин, уже сидевший в окопчике, едва успел схватить метателя за ноги и повалить на землю, как раздался взрыв.

Несколько комьев земли упали друзьям на спины. В головушках зазвенело.

Создатель футуристического полотна «Водочный дождь» поднял голову и потер заложенные уши.

– Ну ты, блин, даешь… Цел?!

– Не, мне кажется, Вика не такая! – прокричал в ответ Быков, поднимаясь на ноги и отряхивая форму. – Ты бы видел, как она на картину смотрела!

– Задолбал… Я спрашиваю: ты цел, тетеря глухая?!

– Да! Симпатичная! Очень!

– Э, да тебя реально контузило… Ничего, пройдет. Не авиабомба… А бабы сейчас все одинаковые. Только деньги на уме. И эта твоя – не исключение. Готов доказать!

– Чего?! – громко переспросил Леха, выпрямляясь.

– План очень простой! – Живописец почти кричал в самое ухо напарника. – Делаем из тебя реального бизнесмена и бросаем под танк. А потом признаешься ей, кто ты есть на самом деле. Если не сбежит – с меня ящик коньяка. Если сбежит – наоборот. Забились?

– Громче говори!

– По методу Кота-в-сапогах! Очухаешься – объясню подробней. Ко-т в са-по-гах!

– Ну, хорек и хорек!.. Я тебя про Вику спрашиваю!

– Нет, надо было на мышах пробовать…

* * *

Ритка со скоростью квартирного вора вынимала из шкафа вещи и запихивала их в спортивную сумку.

– Ну, и куда ты собралась? – судя по тону, Вика планов старшей сестры не одобряла.

– В деревне пока отсижусь. Осточертело все… Стас будет искать – соври что-нибудь. Скажи, какой-то мужик за ней заехал, и вместе отчалили.

– Не поверит.

– Плевать… – Рита достала из-под стопки постельного белья почтовый конверт, в котором обнаружилась тоненькая пачка тысячных купюр. – Половину забираю!

– А когда кончатся? Всю жизнь в деревне отсиживаться не станешь.

– Там видно будет… Может, этого придурка пристрелят. Или посадят.

– Ага, надейся… Мне с одним твоим кавалером проблем выше крыши, а ты еще и второго на меня вешаешь.

– Насчет Витьки не беспокойся. Я позвоню кое-кому, успокоят… – Рита обвела взглядом комнату. – Косметичку не видела?

– Вон, на подоконнике.

Старшая подошла к окну. И вдруг замерла, глядя на въезжавший во двор «бумер» цвета «мокрый асфальт». Мечта провинциалки, если не учитывать, кто внутри.

– Ой… Стас! – Она отпрянула и испуганно уставилась на сестру: – Слушай, что делать? Сейчас опять прессовать начнет насчет долга… Я на чердак! А ты придумай что-нибудь. Типа, в ночь на работу вышла, будет только утром.

– Подожди… Он ведь от тебя только реальную наколку требует, так?

– Да где ж я ему реальную…

– Если будет наколка, отстанет? – перебила ее Вика.

– Обещал…

– Есть вариант.

* * *

Стас, от рождения носивший нехитрую театральную фамилию Миронов, снял с вешалки и надел новенький камуфлированный комбинезон. Тщательно застегнув все пуговицы, он проверил лежавшее в нагрудном кармане удостоверение и поправил на широком ремне кобуру с пистолетом. Затем нагнулся и перевязал шнурок на левой кроссовке. Ну чем не герой боевика, только не обремененный театральным образованием. А оно зачем? Жизнь – театр. И можно выбрать любую роль. Он свою – выбрал.

Выпрямившись, огляделся. Здесь же, в этом просторном гараже-ангаре, точно такие же камуфляжи надевали сейчас еще восемь человек. Никто не пел песен и не горланил.

Мобильник проиграл «Белогривых лошадок».

– Ну? – отозвался Стас, предварительно бросив взгляд на номер.

– В порядке, – коротко ответил мужской голос. – На прежнем месте.

– Народу много?

– Почти нет. Десять человек от силы.

– Охрана?

– Как в том кино: бабушка, божий одуванчик. В соседнем зале.

– Хорошо. Внутри не светись, жди на улице. Прикроешь в случае чего.

Миронов отключил телефон, снова поправил ремень с кобурой и надел на голову шапку-маску. Власть над ситуацией опьяняет круче всякого ширева. Стас не употреблял даже алкоголь. Зачем, если реальность может подарить тебе кураж гораздо круче? Адреналиновый кайф…

– Заканчивайте… – коротко бросил он и, посмотрев на одного из подельников, добавил: – Подавай!

Тот молча выскользнул наружу.

Через пару минут за воротами раздалось приглушенное урчание двигателя. Парни, надвинув на лица маски, один за другим покинули гараж и быстро заняли места в белом микроавтобусе с зашторенными окнами.

Выехав за ворота гаражного комплекса, микроавтобус свернул в сторону набережной. Люк на его крыше приоткрылся, и чья-то рука выставила мигалку на магнитной подушке.

* * *

Автор шедевра «Мудаки на „Волге“» с видом бывалого иллюзиониста выкладывал из сумки на стол аксессуары настоящего мужчины: элегантную барсетку, позолоченные часы, галстук в косую полоску, бумажник из натуральной кожи и даже золотой перстень с непонятным вензелем.

– Только не говори, что все это тебе Ленка подарила! – упредил друга стоявший рядом Леха.

– Часы за три штуки баксов? У нее еще крыша не поехала, чтобы такие подарки дарить. Да и у меня тоже, чтобы их носить… Антиквар знакомый напрокат дал. Я его в прошлом году от одной проблемы избавил, так что теперь могу иногда по мелочам пользоваться.

– Неплохо, однако, живут простые антиквары.

– Да знаешь, по жизни-то он абсолютно нормальный мужик. Просто в их среде так принято. Фейс-контроль своего рода. Главное, говорит, аксессуары. Показатели класса – это, прежде всего, часы, галстук и ботинки. Костюм – костюмом, но если на тебе часы не той цены, с тобой просто никто разговаривать не станет. Ты будешь чужой на этой ярмарке тщеславия. А из обоймы вылетишь – все! Закрывай лавочку… Вот и приходится соответствовать. Сам-то он на другом подвинулся. Коллекционирует всякую атрибутику советского периода. Знамя красное раздобыл где-то, портрет Брежнева на развале купил, с исполкомовской помойки бюст Ленина приволок. За настольную лампу с зеленым абажуром – пятьсот евро отдал. Говорит, что «совок» – очень модная сейчас тема. Я тут после Нового года хотел старый магнитофон на помойку вынести – бобинник, батькин еще, так он чуть с ума не сошел. Всучил мне за него пять золотых и аж по потолку бегал от восторга. Потом нашел где-то мастера, который эту рухлядь отремонтировал, и теперь Кобзона крутит. А еще мечтает купить где-нибудь автомат по продаже газировки. Раньше, говорит, на каждой улице стояли. Три копейки – с сиропом, копейка – без сиропа. Дома на кухне установить хочет. Сказал, если где такой найдешь – на новую машину поменяю.

– Слушай! Так это ж конгениально! У нас холодильник старый, совдеповский. «Орск» называется. Еле дышит… Может, толкнуть твоему антиквару? Или, допустим, на «Филипс» обменять?

– Поговорю… Короче, забирай все эти побрякушки. Осторожней только! Часы и вправду дорогие… Обуви подходящей, правда, не нашлось. У него нога на три размера меньше. Но твоя примадонна навряд ли разбирается в обувном деле. Свои только почистить не забудь… Да, вот еще ! – Автор шедевра «Ложе любви» достал из кармана небольшую коробочку. – Запонки…

– На фиг! У меня все рубашки на пуговицах.

Художник посмотрел на коллегу с легким презрением:

– Ну как же так… Мы ж не в деревне живем… Ладно… Рубашка с меня. Ленка еще в прошлом году из Праги пару штук привезла, а я их до сих пор не надевал. Правда, не твой размер, но ничего, влезешь. А запонки любой уважающий себя спекулянт носить должен. И не просто носить, а чтоб из-под пиджака торчали. Истеблишмент.

Быков, непривычный к подобным выражениям, коробочку тем не менее взял.

– А теперь пошли за ворота. Есть для тебя еще один сувенирчик.

* * *

На небольшой, кое-как заасфальтированной площадке сверкал черной полированной поверхностью симпатичный джип – одной из самых угоняемых в стране марок. Взрывотехник нажал кнопочку на брелке, но машина, вместо того чтобы разлететься на куски, дружески подмигнула фарами.

– Ваша карета, маркиз Карабас! – Анатолий протянул другу ключи. – Пользуйся! Бензин – за свой счет.

– Ого! Что – Ленкина?

– Ага, Ленкина, как же… Она после истории с Иркиным террористом меня к машине на километр не подпускает. Даже пультик специальный завела. Теперь, чтобы машину открыть, надо сначала код набрать, и только потом сигналка снимется… Нет, это того же антиквара. Он на Кубу улетел, экспонаты искать для коллекции. Там еще много социализма. Так что примерно пара недель у тебя есть, чтобы девочкам мозги пудрить.

– Да не хочу я пудрить! По-нормальному хочу.

– По-нормальному, Леха, ты холостяком помрешь… – Художник-любитель посмотрел на часы. – Слушай, давай на рынок сгоняем? Ленка просила Баксу корм купить. Итальянский.

– Какому Баксу?

– Да хорьку этому… Представляешь, для них уже и корм специальный выпускают! Чтобы шерсть, видите ли, блестела.

– А шеф? – Быков покосился в сторону здания.

– Сходи к нему, а? Скажи, позарез надо отлучиться на часок. Если что – ты на трубе, и через десять минут будешь как штык. Только про меня ничего не говори!

– Почему?

– Николаич велел до конца дня инвентаризацию спецсредств провести. Сказал, пока акт не составлю – с базы ни ногой… Давай, бегом!

* * *

Миронов, сидевший рядом с водителем, развернулся в сторону салона и проинструктировал:

– На все пять минут. Синий остается в машине. Двигатель не глуши.

Водитель, приложив руку к сердцу в знак верности, покорно кивнул.

– Серый и Зеленый – холл, – продолжил Стас. – Всех, включая билетершу, – к стене, и чтоб никаких звонков. И из музея не выпускать никого до самого конца… Белый – в служебку. Проверишь, есть ли там кто. Если есть – тоже тащи в холл… Остальные – со мной. Всю публику сгоняете в один зал, подальше от входа, шмонаете и держите до упора. Вопросы?

Вопросов не последовало. Господа с разноцветными кликухами, взятыми напрокат из фильма «Бешеные псы», любовались проплывающими за стеклом красотами родного города.

* * *

Черный джип несся в сторону центра города с вызывающим превышением скорости.

– Я смотрю, ты на скорости не экономишь. Тачку не угробь, оборотень, – предупредил не великий художник.

– Во-во! Оборотень и есть… Как перед Викой потом обставляться? Ну почему сразу не признаться, кто я есть?

– Ты уже раз признался. А обставиться просто. Скажешь, что боялся негативной реакции. Ментов у нас не шибко любят… Кстати! Еще один совет… Когда на свидание пойдешь, удостоверение дома оставь.

– Почему?

– Гришка Сорокин недавно на этом прокололся. Присмотрел на дискотеке симпатичную леди. Ну, как обычно, пригласил потанцевать, потом в буфет, туда-сюда… Короче, договорился. После поехали к ней, благо противоположный конец города, и там Гриню никто опознать не сможет. Поехали, естественно, через гастроном. Сорока раздухарился на всю катушку: коньячок, конфеты, фрукты… Тоже бизнесменом прикидывался.

На квартире у леди поначалу тоже все гладко шло. Рюмашка, еще рюмашка, брудершафтик… Дошло до эротики. Но когда Гриша брюки скидывал, ксива из кармана возьми да и вывались! А у дамы, оказывается, муж на строгом режиме. Как увидела красную книжечку – так в истерику. Убирайся, кричит, мусорюга сраный, а не то бутылкой в окно запущу и буду орать, что ты меня насилуешь… Конец цитаты. Пришлось Грине срочно собирать манатки и во втором часу ночи через весь город пешком пилить, по дождю. Денег в кошельке после гастронома ни копейки не осталось…

Леха не комментировал. Ушел в себя.

– Слушай, а букет лучше на рынке брать или в магазине? – нагло обогнав машину ГИБДД, спросил он.

– Ты с этим делом не очень-то резвись. Люди, которые на таких тачках ездят, цветы женщинам не букетами, а корзинами покупают. А на корзину у тебя финансов не хватит. Как и на…

Закончить мысль художник не успел. С боковой улицы на перекресток выскочил белый микроавтобус с синим маячком на крыше. Леха резко вдавил в пол педаль тормоза, джип, возмущенно взвизгнув, остановился. Микроавтобус промчался мимо, не снижая скорости.

– Блин! – сплюнул новоиспеченный новый русский. – Как ездить?! На каждом втором ведре – мигалки… На обычной машине скоро вообще на улицу не сунешься.

– Ты поосторожней с тормозами, – заметил автор этюда «Чеченский след», потирая ушибленное об торпеду колено. – Это не твоя «восьмерка». В момент схватывает.

– Учту… Слушай, Толян, а у тебя в хозяйстве пиротехника еще осталась? Помнишь, какую на девятое мая запускали?

– Навалом. А зачем?

– Так… Есть одна мыслишка. Тоже… по методу Кота-в-сапогах.

* * *

Белый микроавтобус, чуть не протаранивший антикварный джип, почти не снижая скорости, заскочил на тротуар, распугал голубей и резко затормозил у подножья широкой лестницы. Из салона выскользнули восемь фигур в камуфляжных костюмах и, быстро преодолев полтора десятка ступеней, один за другим исчезли за тяжелыми дубовыми дверьми.

– Внимание, милиция! – сурово объявил, ворвавшись в вестибюль, натуральный оборотень Миронов. – Здание музея заминировано. Всем оставаться на местах! Телефонами не пользоваться. Возможна детонация…

Находившиеся в холле билетерша и посетители – пожилая пара, направлявшаяся к выходу, – испуганно застыли. А статуя «Пастушок» и так была застывшей. Один из черномасочников, схватив пенсионеров под руки, бесцеремонно оттащил их к стене. Билетерша, услышав страшное слово «детонация», тут же упала на пол рядом с пастушком и прикрыла голову руками.

Двое «бойцов» остались в вестибюле, один шмыгнул в дверь с надписью «Щитовая», а Миронов в сопровождении остальных быстро двинулся на «экскурсию».

На буднях народу в музее было чуть больше, чем лыжников в пустыне. В первом зале, где экспонировалась фотовыставка, посвященная истории города, прохаживился молодой мужчина с бородкой. Его быстро обыскали под предлогом поиска бомбы и, препроводив в холл, оставили под охраной. Чуть дальше, в зале ремесел, целовалась молодая пара. Видимо, больше негде… Их на ходу расцепили и поставили к стене. Буквально через пару секунд к парочке присоединили пожилую смотрительницу музея, что дремала в соседнем помещении.

В зале, где радовал глаз «Портрет незнакомца с букетом», лжесобровцы застали малопривлекательную девицу с мольбертом, настолько увлеченную копированием натюрморта, что даже шум налета не оторвал ее от работы.

– Немедленно покинуть помещение! В музее бомба, – обрадовал командир оборотней.

– Я тут… – попыталась возразить художница, но ее бесцеремонно подхватили под локти и вынесли из зала. Один из несущих уцепился за висевший на нежной девичьей шее кулон – видимо, чтобы удержать равновесие.

Убедившись, что в зале нет посторонних, Стас приблизился к портрету мужчины, достал спецназовский нож и быстро вырезал холст из рамы. Не обращая внимания на оживший зуммер сигнализации, он свернул полотно в рулон и быстро двинулся в сторону выхода.

– Всем оставаться на местах! – проходя через зал, где держали посетителей, бросил он стоявшим вдоль стены людям. – Проверка здания еще не закончена! Взрыватель может сработать от любого движения!

Команда «разноцветных» бегом миновала вестибюль, выскочила из здания и запрыгнула в салон оборотня-автобуса. В следующую секунду тот сорвался с места, оставив после себя лишь запах сгоревшей солярки.

В музее они пробыли шесть минут. Неплохо. Даже если менты уже через пару минут окажутся на месте, они не смогут их догнать.

Сняв камуфляжный комбинезон, под которым оказалась футболка с надписью «Я люблю нефть» и легкие светлые брюки, Миронов достал из-под сиденья чертежный тубус и спрятал в него холст.

– Напротив парка притормозишь, – бросил он синему водителю.

Тот кивнул.

– Пока ложимся на дно, – обратился Миронов к оборотням. – Надо будет – дам знать. Благодарю за службу.

Ответа «Служим России!» не последовало.

* * *

– Я вправду не знаю, сколько этот кулон может стоить. – Студентка Маша виновато посмотрела на оперуполномоченного Никифорова, – Этот топаз – красивый, но недорогой. От бабушки достался. Серебра тоже совсем немного ушло… Нет, цену не скажу. Жалко просто. Сама ведь делала… А вот денег в сумочке много было! Пятьсот тридцать рублей. Сумочка на мольберте висела, с краю. Когда меня вывели, она в зале оставалась.

На самом деле опера меньше всего интересовала цена кулона. Но выяснить требовал Закон.

– Ну, хорошо… А не припомните, они меж собой говорили о чем-нибудь? Может, друг друга по именам называли? Или кличкам? Бывает, ребятки прокалываются…

– Нет. Они вообще между собой не общались. На меня только кричали… То есть кричал. Один. Главный… Знаете, я его глаза хорошо запомнила! Очень выразительные. Злые, но… умные. Думаю, что смогла бы его узнать, хоть он и в маске был.

– По одним только глазам?

– Да. А что тут странного? Чехов ведь недаром говорил, что глаза – зеркало человеческой души. В них человек действительно, как в зеркале, отражается. Хотите, попробую их нарисовать?

Сидевший за соседним столом Бухаров отрицательно мотнул головой и пододвинул девушке стопку фотографий.

– Взгляните-ка лучше на этих суперменов. Вдруг действительно кого узнаете…

Маша взяла снимки и принялась их перебирать, любуясь красивыми, благородными ликами. С таких бы картины писать.

– Ой!

– Что?! – встрепенулся Никифоров. – Узнали?

Потерпевшая отрицательно помотала головой.

– Нет, это не он. В смысле, не тот, который музей грабил… Но этого человека я в музее видела! Два дня назад.

Оперативники переглянулись. Бухаров полез за сигаретой. Не так давно, чтобы расстаться с вредной привычкой везде сосать «чупа-чупс», он прибегнул к курению. Хоть люди не шарахаются.

– Вы не путаете? – переспросил он, отбирая у Маши карточку. – Точно его?

– Точно. У меня отличная зрительная память. В «Мухе»… в академии то есть, натренировала. Правда, он тогда в очках был и при галстуке… Но это он, точно! И нос ломаный, и волосы рыжеватые…

– В очках?

– Да… И, кажется, с простыми стеклами. У меня самой со зрением проблемы, я разбираюсь.

Бухаров включил мобильник на запись. От этих потерпевших всего можно ожидать. Сначала белугами ревут, а как барахлишко вернешь, вроде обидчик уже и хороший. Жалко его…

– Так, давайте внятно и по порядку. Когда, где, с кем…

– Понимаете, я сейчас на практике, картины в нашем музее копирую. Позавчера Измайлова заканчивала, «Закат в лесу». Это наш художник, из Юрьевска. Трудная картина, но мне удалась… В общем, он подошел и сказал, что похоже получается. Видимо, хотел познакомиться. А когда я спросила, как он относится к творчеству Измайлова, он почему-то смутился и какую-ту чепуху говорить начал. Про стрельбу из лука, про момент силы… И кулон

почему-то брелком назвал. Хотя в искусстве разбирается, и неплохо. Когда они с девушкой из музея уходили, я слышала, как он ей про фламандскую школу рассказывал. Ван Дейк, Рубенс… А потом…

– Стоп! – перебил Машу Юрий. – С какой еще девушкой?

– Не знаю. Симпатичная такая. Стройная, и волосы длинные… Знакомая, наверное. Но пришли они не вместе.

– А к «Портрету с букетом» этот товарищ подходил?

– Я не видела. Но в том зале он был, это точно.

Никифоров снова бросил на коллегу выразительный взгляд из серии: «Ну, что я говорил?»

– Что ж, спасибо вам! – Бухаров поднялся со стула. – Если вдруг вспомните что-нибудь еще, звоните. Вот моя карточка…

Опер вручил потерпевшей календарик с портретом Николая Баскова и написанным сверху от руки номером мобильника.

– Спасибо. – Маша убрала календарик в сумочку. – А глаза этого бандита нарисовать?

– Обязательно, – согласно кивнул «Николай Басков». – А заодно и девушку, которую в музее видели. Дома, в спокойной обстановке… Как сделаете – привозите. Хотя… Глаза рисовать все-таки не стоит. Зачем они без ушей?

– Хорошо. До свидания!

Едва дождавшись, когда за Машей закроется дверь, Никифоров пододвинул свой стул поближе к столу Бухарова.

– Ну, теперь что скажешь? Это, надеюсь, конкретные факты?

– Нет, мой друг. Он кучу отмазок приведет, зачем в музей поперся. Скажет, например, что общую культуру поднимал. В соответствие с моральным кодексом сотрудника органов внутренних дел.

– А тебе не кажется, что ему слишком много отмазок придется сочинять? На ночной клуб, на музей, на очки?

Вместо ответа Бухаров пододвинул к себе телефон и набрал номер.

– Привет, Иван Николаич!.. Ты про музей слышал уже?.. И правильно делаешь. Нечего шум поднимать раньше времени… Да, очень похоже, что те же самые. Я почему и звоню. Скажи, пожалуйста, у тебя Быков сегодня работает?.. Ну и славненько… Нет-нет, ничего серьезного. Просто кое-что проверяем… А выездов у вас не было?.. Понял… Н у, дай бог, чтоб вам реже выезжать приходилось… Значит, никто из твоих с базы сегодня не отлучался… Так… А когда?.. Понял, спасибо… Ладно, до связи!

Бухаров повесил трубку и, не глядя на напарника, глухо произнес:

– С часу до двух Быкова на базе не было. У Кленова по личному делу отпрашивался. Сказал, что позарез нужно…

– А налет на музей имел место быть в тринадцать двадцать, – довольно улыбнулся Юрий. – Туда и обратно вполне можно успеть!

* * *

Времени оставалось в обрез, а подлые запонки никак не хотели пролезать в прорези манжет. Леха успел мысленно проклясть всех – от безвестного создателя запонок до Репина с его истеблишментом, пока, наконец, ему удалось справиться с этой нелегкой задачей.

А ведь Толян не так уж и не прав. Насчет любви, которая должна быть подобна взрыву. И он, Леха, похоже, подорвался на мине. Практически с первого взгляда. Когда там, в музее, пялился на спящую Вику. Как она спала… Просто вынос мозга. Смотрел бы да смотрел.

Разобравшись с запонками, новый «новый русский» надел пиджак, поправил манжеты и вышел в коридор.

– Мам!

– Чего? – высунулась мать из своей комнаты.

– Ты извини… Не одолжишь тысячи три до получки?

– У меня ж пенсия только через неделю. А что случилось? Если тебе очень нужно, могу из гробовых взять.

– Из каких гробовых? Ты чего, помирать собралась?!

– Не собралась, но на похороны откладываю, – пояснила предусмотрительная родительница, возвращаясь в комнату. – Все так делают.

– Причем тут все?! Что еще за разговоры во вверенном мне подразделении?

– Успокойся! – Мать снова появилась в дверях и протянула Алексею несколько купюр. – Позже поймешь, с возрастом. Для порядочных стариков самое страшное в жизни – стать обузой своим детям. В том числе и материальной. Даже после смерти… А за меня не волнуйся. Я, пока внуков не увижу, в гроб не лягу. И не проси.

– Спасибо, мам. – Он сунул деньги в барсетку. – С получки верну… Да, слушай, я еще спросить хотел… Дядя Жора еще усадьбу охраняет?

– Конечно. А что такое?

– Навестить хочу. Не виделись давно. Телефончик дай!

* * *

Простреленная в нескольких местах служебная «Ока» притаилась во дворе, метрах в тридцати от подъезда. Никифоров покосился на сидевшего за рулем Бухарова:

– А если он не выйдет? До ночи ждать будем?

– Выйдет. У него сегодня выходной после суток. Меня другое волнует… В музее сказали, что похищенная картина существенной художественной или исторической ценности не представляет. Ранее принадлежала графу Стропилину. После гражданской войны, когда семейство графа в полном составе эмигрировало, местные власти часть обстановки из усадьбы, в том числе и картины, передали городскому музею. В тридцать втором году «Портрет неизвестного» проходил экспертизу. Специалисты датируют картину концом восемнадцатого или началом девятнадцатого столетия. Художник не известен, но, судя по уровню, далеко не из великих. По сути, довольно дешевый закос под западноевропейскую школу второй половины семнадцатого века. Вроде тех работ, какие вчерашняя студентка на практике рисует… Сегодня на аукционах подобные вещи выше стартовой цены не поднимаются, поэтому раскупаются, в основном, мелкими музеями. Красная цена этой картине – пятьсот евро. И то только потому, что старая. Официальная справка имеется… И что, ради этого они целую войсковую операцию устроили?

– Кто его знает? – хмыкнул Никифоров. И выдвинул вполне резонную версию: – С этими картинами всякие заморочки бывают. Вдруг там, к примеру, второй слой имеется? Сверху – мазня, а под ней – мировой шедевр.

– «Нагая пастушка»…

– Какая пастушка? – не понял Никифоров.

– Фильм такой был. Старый. Как раз в тему, про второй слой… О, смотри!

Из подъезда вышел Быков в обличье маленького олигарха.

– Не ошиблась, однако. Хороша, как моя зарплата, но глаз наметан, – констатировал Бухаров. – Действительно, в очках… Стало быть, товарищ внешность меняет.

– А я что говорил?.. Ого! Ты гляди, какая тачка! Вот тебе и нищий собровец… Да мне на такой аппарат за три жизни не накопить.

Молодой сыщик запечатлел внешний облик собровца на цифровую камеру.

Как только джип скрылся за углом, Бухаров завел двигатель, и «Ока», чихая, тронулась следом. Оказавшись на улице, они упали оборотню на хвост, применяя на практике метод «наружного наблюдения».

– Прибавь! – Никифоров достал за неимением нормального театральный бинокль. – Упустим.

– Прибавишь тут, – чертыхнулся Бухаров. – У меня под капотом сорок лошадей, причем отечественной породы, а у него – больше трехсот, и все импортные…

Миновав ближайший перекресток, наружные наблюдатели застряли на следующем. Между тем джип, проскочив его значительно раньше, скрылся из виду, растворившись в потоке машин. Едва дождавшись разрешающего сигнала, Андрей рванул вперед, обогнув по встречке неторопливую «Газель». Они проехали еще с полкилометра, пока не поняли, что объект потерян.

– Все, просрали… – подвел печальный итог слежке Бухаров и сбавил скорость.

– Ничего… – зло усмехнулся Никифоров. – Теперь никуда не денется. Улик хватит. Надо брать и колоть. Пусть для начала объяснит, откуда у него такой агрегат.

– Бабушка оставила в наследство. Родственник на время отпуска попросил посторожить. Приятель дал покататься… Масса вариантов.

– А я считаю, нечего с ним церемониться! Что мы, обычного спецназовца не расколем? Они ж дубовые, все мозги о кирпичи разбили!

– Не такие уж и дубовые… – Борец с «чупа-чупсом» закурил. – Юрасик, пойми, что этих ухарей надо брать или с поличным, или с железными уликами.

– Тогда давай замажемся, что я его на раз-два колону! Только уговор: ты не вмешиваешься…

* * *

Закончив мыть посуду, Вика вытерла руки о передник, села на стул возле окна и достала из кармана сигареты-убийцы. Прикуривая, услышала, как открывается входная дверь.

Через минуту на кухню зашла Рита. Усевшись напротив сестры, она взяла из пачки сигарету и тоже закурила. Затем протянула Вике кулон с фиолетовым камнем и серебряной фигуркой парящего ангела.

– Это тебе.

– Красивый, – заметила она. – Откуда?

– Мирон за музей рассчитался… Идиот. Мне этот ангелочек на фиг не нужен.

– А долг как же?

– Сказал, что только половину прощает, – поморщилась Рита. – Еще одну наколку требует. Можно подумать, что у меня друзья – сплошь миллионеры… И без того жить тошно, так еще и это… Ты бы, между прочим, тоже подсуетилась! Деньги-то вместе тратили. А Стас, случись что, нас обеих за собой потянет.

– Здрасьте! А я тут каким боком?

– Я ему сказала, от кого про картину узнала.

– Зачем?

– А что было говорить? Что сама в музей ходила? Или на лекцию? Так бы он и поверил…

Снизу, со двора, донесся громкий звук клаксона. Дамы не обратили на него внимания.

– Ну и что? – посмотрела в глаза Ритке сестра. – Мало ли кому я что говорила… Ты ж меня не подставишь?

– Я – нет. А этот идиот, если что, всех вломит. Клаксон внизу вновь загудел. Настойчивей и требовательней.

– Кому еще там неймется? – Вика поднялась с табурета.

Выглянув в окно, она, разглядев рядом с джипом недавнего знакомого, отпрянула и спряталась за занавеску.

– Ой!

– Что? – Рита тоже выглянула наружу.

– Это же тот… Который из музея. Зачем он приехал?

– Тебя, наверное, ищет… Слушай, а он ничего! И тачка крутая. А ты говоришь – ботаник… Сбегай, узнай, чего ему надо!

Вика сняла передник, бросила его на спинку стула и снова осторожно глянула вниз.

– А вдруг он про картину узнал?

– Если бы узнал – не стал бы сигналить. Я бы, между прочим, на твоем месте ромашку из себя строить не стала. Давай! Мужик явно упакованный.

* * *

Научными изысканиями установлено, что при выборе будущей партнерши мужчины в девяноста процентах случаев реагируют на внешность дамы и только в десяти – на что-то другое, типа мозгов. Слегка потерявший разум Леха при виде обтягивающей футболки с надписью «Бог с тобой» утратил его окончательно. Какая практически неземная красота…

– Привет!

– Привет! – ответила неземная красота. – Ты *мне* сигналил?

– Угадала. – Леха похлопал ладонью по капоту машины. – Вот, забрал со станции. Заменили, наконец, моему коню амортизатор. Ждать, правда, долго пришлось, пока новый пришлют… А сейчас как раз ехал мимо и решил тебя проведать. Ты чего тогда так быстро убежала?

– Хотела на помощь кого-нибудь позвать, – нашлась Вика. – А когда выскочила с соседом, тебя уже не было.

– Понятно… – «Бизнесмен» замялся, прикидывая, как озвучить план по заманиванию красотки в ласковые сети. – Слушай, Вик, а ты сейчас не занята? Просто место есть одно… Тоже, в общем, музей. Недалеко… Может, прокатимся?

– Ну, не знаю…

– Поехали, поехали…

Не дожидаясь ее согласия, кавалер распахнул широкую дверцу, помог забраться в обитый кожей салон и, быстро обойдя машину, занял место за рулем.

– Кстати, что это за поцы были? – спросил он, выруливая со двора на проспект. – Убогие какие-то.

– Убогие и есть, – согласилась Вика, разглядывая салон джипа. – Один – бывший кавалер моей старшей сестры. Та его послала, так он почему-то решил, что на Риткином месте должна быть я. Тебе не очень досталось?

– Ерунда. Я же бизнесмен, должен уметь с людьми договариваться. Так что… разобрались.

– Ты извини, что я тебя в ту историю втравила.

– Да ладно… Если опять надоедать начнут, не стесняйся, звони. Сам-то я не по этой части, но есть друзья-умельцы. Слона порвут… А ты с сестрой, что ли, живешь?

– Угу.

– А родители?

– Мама у второго мужа. А отец… – Вика опустила глаза и, чуть помедлив, проговорила: – Он в длительной экспедиции, на севере. Геологом работает.

– Здорово. Не поверишь, я в детстве тоже геологом хотел стать. А потом вот… Бизнесом увлекся. Тоже занятная штука… Да, кстати! – Не отрываясь от дороги, Быков пошарил рукой сзади за пассажирским сиденьем и протянул девушке большой букет неопознанных ярко-красных цветов в нарядной упаковке.

– Держи!

– Это… мне? – уставилась на подарок Вика.

– Ну да. Ты кого-то еще в машине видишь? Нравится?

– Обалдеть!

– Носи на здоровье!

Свернув на набережную, где было посвободней, он перестроился в левую полосу и прибавил газу. Джип резво полетел в сторону объездной, легко обходя по пути попутные машины.

До городской черты оставалось совсем немного, когда им наперерез, прямо через две полосы, бросился инспектор ГИБДД, выразительно помахивая полосатым жезлом.

Леха остановился, поджидая, когда тот подойдет. Его рука уже потянулась к карману за «индульгенцией», но в следующее мгновение он сообразил, что привычная отмазка не в тему. К тому же служебное удостоверение все равно осталось у Репина.

Искусствовед вполголоса чертыхнулся. И добавил:

– Извини, я сейчас…

Выйдя из салона, он заторопился навстречу инспектору.

– День добрый, – рефлекторно козырнул тот. – Лейтенант Мохов. Наруша… О! Леха, ты, что ли? Тебя и не узнать.

– А-а-а… Старик… Здорово!

Он тоже вспомнил этого лейтенанта. В прошлом году СОБР вернулся из горячей командировки. Понятное дело, решили отметить. Пили в кабаке. Когда тот закрылся, поехали всей кодлой к Репину, благо хата у того большая, а его Ленка слиняла по делам в Европу. Выдвинулись на пяти личных машинах. На набережной вся колонна разогналась до стошки – время позднее, дорога пустая, гони – не хочу. А тут – бдительный Мохов с палкой наперевес. Первое авто затормозило, а все остальные устроили «принцип домино». Поцелуй меня в бампер. Несчастного инспектора чуть в реке не утопили, чтоб знал, кого можно тормозить, а кого – опасно для жизни. Так и познакомились. Правда, имени лейтенанта сидевший тогда в первой машине Леха вспомнить не мог. То ли Витя, то ли Вова…

– Ты, я погляжу, при параде, – заметил Витя-Вова и указал подбородком в сторону машины. – Твой аппарат?

– Да н у, ты что, откуда в жопе алмазы? На время одолжили… Слушай, ты извини, тороплюсь. На внедрении.

– О как! То-то, смотрю, вырядился, будто в загс. А очки – что, тоже для маскировки?

– Ну…

Внедренный искусствовед украдкой оглянулся и полез во внутренний карман пиджака. Достав бумажник, извлек из него пятидесятирублевку.

– На вот, возьми! Пивка выпьешь за мое здоровье… Извини, но больше дать не могу. И так у матери занимать пришлось.

– Ты чего, не теми грибами закусывал? – оторопел Мохов, отталкивая его руку.

– Надо так, понимаешь? – заговорщицки прошептал Алексей, снова протягивая ему деньги. – Для маскировки… Операцию завалишь! Бери!

Инспектор усмехнулся.

– Ну, разве что ради успеха операции… Только не говори никому, что я у тебя полтинник взял. Засмеют… Обоих…

Отработанным жестом Мохов вынул купюру из рук коллеги и, отдав честь, удалился.

Нарушитель возвратился к машине, на ходу демонстративно засовывая бумажник обратно в карман пиджака.

– Вот ведь кровососы, а?! – притворно возмутился он, садясь за руль. – Видит дорогую тачку и давай с ходу мозги окучивать: «Новые правила!.. Двойное нарушение!.. Лишение прав!..» Двести долларов отстегнуть пришлось, чтоб заткнулся. Стошку за превышение скорости и стошку – за ремни.

– Правильно на всех заборах пишут: менты – козлы, – поддержала Вика. – Я их тоже не перевариваю.

– Ну, не все ж козлы… – потупив взор, возразил капитан. – Там и нормальные есть. А дерьма везде хватает. У меня вон, в бизнесе, козлов тоже немало…

* * *

Минут через двадцать они съехали с трассы и, преодолев пару километров грунтовой дороги, подъехали к старой усадьбе.

В центре большого, но довольно запущенного участка возвышался двухэтажный дом с высокими прямоугольными окнами и широким крыльцом, над которым нависал увенчанный портиком балкон с ажурной чугунной оградой. Слева была пристроена круглая башня с зубчатым парапетом и тремя ярусами узких окон. Здание сияло свеженькой светло-зеленой штукатуркой и новыми окнами с белоснежными рамами.

– Приехали! – объявил Быков, глуша мотор.

– Ух, ты… Это что – твой дом?

– Нет, что ты… Я тут просто с ремонтом помогаю. Финансирую, в смысле… Снаружи они уже закончили, сейчас внутренняя отделка идет. Обещали к ноябрю завершить, только с нашими темпами навряд ли уложатся… А вообще эта усадьба графа Стропилина. Построена в начале девятнадцатого века. Историческое место! Здесь, говорят, останавливался сам Айвазовский. По пути в Феодосию.

Меценат покинул салон, открыл багажник машины и достал оттуда большую сумку.

– Пойдем…

Из дома вышел мужчина лет шестидесяти в потертом камуфляжном костюме.

– А, Алексей Романович! – радостно улыбнулся он. – Здравствуйте… Что, решили посмотреть, как работа движется?

– Приветствую, Георгий Андреевич! Да, посмотрю. А заодно хочу девушке усадьбу показать. Не возражаете?

– Да какие могут быть возражения? Вы, можно сказать, тут первое лицо… Проходите, пожалуйста! Только аккуратно, не прикасайтесь ни к чему особо. Внутри всюду ремонт, так чтоб не испачкаться…

Поднявшись на крыльцо и миновав входную дверь, они оказались в просторной передней. Ремонт действительно был в разгаре: стены, уставленные лесами, пол, устланный обрывками полиэтиленовой пленки со следами краски, батарея пустых пивных бутылок.

– Я смотрю, они не очень-то шевелятся… – недовольно пробурчал Алексей Романович, осматриваясь. – Как неделю назад было, так и осталось.

– К концу месяца обещали закончить, – пояснил сторож. – Потолок, как видите, готов, а вот со стенами у них проблемы. Материалов не хватает.

– Зато пива хватает… Передайте, чтоб завтра же связались со мной.

– Обязательно передам. А еще я вас попросить хотел, чтобы рефлектор заменили. Старый искрит. Не дай бог, пожар случится.

– Без проблем, – небрежно кивнул меценат.

– Вот спасибо… А теперь прошу в кабинет графа! Там камин только что закончили реставрировать. Есть на что посмотреть.

Леха, галантно пропустив Вику вперед, сунул руку в карман и нажал кнопку на мобильном телефоне. Раздался звонок. Он достал аппарат и, бросив взгляд на экран, обратился к сторожу:

– Георгий Андреевич, вы пока даме кабинет покажите, а я вас догоню. Звонок очень важный, из Москвы…

Он приложил телефон к уху и, направляясь к выходу на улицу, негромко, но так, чтобы могла услышать Вика, произнес:

– Да!.. Добрый день, Никита Андреевич!.. Да, деньги я перевел, еще вчера. Четыре миллиона, как договаривались… Да, разумеется…

Девушка в сопровождении сторожа по длинному коридору двинулась в глубь дома.

– Здесь еще в восьмидесятые ремонт затеяли, – пояснил тот. – Только вот закончить не успели. Бардак в стране начался, и никому ничего не надо стало… Обидно! Это ведь наша история. Корни наши, можно сказать… Хорошо, есть еще люди неравнодушные. Алексей Романович вот помогает… Очень хороший человек… Кто-то деньги на яхты тратит или на клубы футбольные. А он – на музеи…

Сторож распахнул одну из дверей. За дверью оказалась просторная комната с обшарпанными стенами и обвалившимся потолком.

– Вот, смотрите… Сейчас тут разруха, а будет галерея – молодые художники смогут выставлять здесь свои работы. Это Алексей Романович придумал! Проходите…

– А правда, что в этом доме Айвазовский останавливался? – спросила Вика, осторожно пригибаясь, чтобы не задеть свисавшую с потолка проводку.

– Не исключено. Это усадьба графа Стропилина, а он был дружен с Айвазовским. Сам-то Стропилин из себя ничего не представлял. Граф – как граф… Таких много было. Жил тихо и помер тихо. Еще до Первой мировой войны. Вот если бы его, скажем, большевики расстреляли, тогда б сегодня о нем во всех газетах писали. И деньги на ремонт быстро бы нашлись. А так – не вспоминает никто… А то, что дом – памятник архитектуры, это разве кому объяснишь? На обычное жилье-то не хватает, какие уж там памятники… Хорошо вот, Алексей Романович объявился. Меценат, можно сказать!

Сторож галантно распахнул перед Викой следующую дверь.

– Вот он, кабинет графа… Мебель, естественно, пока не завозят, но отделка закончена полностью. А вот полюбуйтесь: тот самый камин! Красивый, правда?

– Да, очень…

Камин и вправду впечатлял. Его портал и боковины полки были отделаны темно-синими изразцами различных оттенков, удачно сочетавшимися с голубой окраской стен кабинета. Топочный проем отгораживала невысокая чугунная решетка с причудливым орнаментом, а полку украшала изящная мраморная скульптура спящей девушки.

– Ну, вы тут посмотрите пока, – предложил Георгий Андреевич, – а я вниз пойду, печку проверю. А то искрит – не дай бог пожар…

Когда он удалился, Вика подошла к камину поближе и невольно залюбовалась скульптурой. Фигура спящей излучала спокойствие и безмятежность – то состояние, которого так не хватало ей самой.

Девушка полезла в карман и достала сигареты. Но, снова взглянув на скульптуру, смутилась и спрятала их обратно.

* * *

Неслышно подойдя к двери, Быков через неплотно прикрытую створку наблюдал, как «объект оперативной разработки» смотрит на мраморную фигурку. Как осторожно, словно боясь потревожить, дотрагивается до нее кончиками пальцев. Да, первое впечатление, похоже, не обмануло. Неизвестно пока, конечно, что у нее за характер, но если эту мелочь опустить, то он, наверное, был бы рад разделить с ней кров, ложе и последний кусок хлеба. Хороша! Подобная красота могла родиться только под небом Юрьевска! Еще и по музеям ходит, стало быть, не шалава. Интересно, а кто он в ее глазах? Мачо или срачо? И есть ли у него подлые конкуренты?

Его даже совершенно не тревожил сейчас вопрос о наличии жилой площади. А ведь именно он, этот нехороший вопрос, стал отправной точкой его первого развода.

Меняя ракурс, Леха шагнул в сторону. И задел локтем стоявшую на невысоких козлах банку с краской. Банка с грохотом упала на пол, украсив брюки влюбленного яркими пятнами. Последний костюм! В чем теперь в свет выходить?! В чем людям на глаза показаться?

– Ба-а-лин!

Пришлось покинуть наблюдательный пункт.

Вика тут же откликнулась на беду:

– Ой, ты ж брюки испачкал!

Значит, и характер золотой.

Меценат снял липовые очки, сунул их в нагрудный карман пиджака и огорченно уставился на заляпанную штанину.

– Надо бензином, – вспомнил он совет из книги «Уроки домашнего хозяйства». – А то потом не отстирать будет.

– Только не бензином! Это, похоже, водоэмульсионка. Не пахнет. Здесь где-нибудь вода есть?

Он огляделся. На подоконнике стояла пластиковая бутылка с какой-то мутной дрянью. Он понюхал содержимое.

– Вода, вроде…

– Давай!

Вика достала из кармана джинсов цветастый платочек, смочила его и, присев, принялась оттирать пятна.

– Точно, эмульсионка… Сейчас отмоем…

«Да она еще и хозяйственная! Может отличить масляную краску от водоэмульсионки! Таких нынче и не сыщешь!»

Закончив, она обвела глазами кабинет, ища, куда можно выбросить испачканный платок. Меценат забрал его и спрятал в тот же карман, куда сунул очки.

– Я постираю. И верну. Не бойся.

«Будет повод встретиться».

– Между прочим, очки так лучше не носить. – Вика кивнула на торчавшую из нагрудного кармана пиджака дужку. – Стекла царапаются, и выронить можешь, когда нагибаешься.

– Да был у меня футляр. Оставил где-то. А новый никак купить не соберусь… Слушай, а ты что, верующая? – Он пальцем указал на надпись «Бог с тобой».

– Нет… Это миссионеры на улице раздавали. Бесплатно. Я взяла, материал неплохой.

– Я б тоже взял, – признался миллионер. – Раз халява… Пойдем, еще чего покажу.

Покинув кабинет, они пересекли коридор, и благотворитель распахнул очередную дверь. По винтовой металлической лестнице, прижавшейся к стене, они поднялись на самый

верх и через небольшую решетчатую дверцу вышли на круглую смотровую площадку, окруженную декоративными зубцами с бойницами.

– Смотри, какая красота! – Леха шагнул к парапету, осторожно взяв девушку за руку. – Хоть картину рисуй!

– Да, – согласилась Вика, оставаясь в дверях, но руку не отняла. – Обалдеть.

– И позиция классная.

– Какая позиция?

– Для стрельбы, – пояснил меценат. И, спохватившись, добавил: – Понимаешь, я в армии пулеметчиком служил. Вот и засело в голову. Бзик, прямо! Иной раз даже на пейзаж какой-нибудь смотрю и думаю: где тут пулемет поставить, чтобы вся территория лучше простреливалась… Пойдем поближе!

– Нет-нет!.. – Теперь девушка уцепилась за рукав бывшего пулеметчика. – Я высоты боюсь.

– Не бойся, я рядом!

Вика, продолжая держаться за Быкова, осторожно приблизилась к бойнице.

– Я тоже раньше высоты боялся, – продолжал тот, поддерживая девушку. – А когда во время первого прыжка старшина пинком ускорение придал, весь страх в момент прошел. Когда купол раскрылся, аж заорал от восторга.

– Ты ж пулеметчик…

– Ну… Я десантный пулеметчик. Сейчас это время с тоской вспоминаю. Трудно было, конечно, но зато мужиком себя чувствовал. Бизнес – это совсем не то… Тут себя непонятно кем ощущаешь. Иному деятелю по роже засветить хочется, а ты ему улыбаться должен. Потому что от него зависит, дадут тебе кредит или нет.

– А какой у тебя бизнес?

– Перевозками занимаюсь. Грузовыми. Недавно еще одну компанию в Москве зарегистрировал.

Легенда была заготовлена заранее. Автор идеи – художник Репин.

– Сейчас вот в Газпроме серьезные подвязки появились. Как раз оттуда человек только что звонил… А это уже совсем другой уровень. И деньги, конечно, совсем другие.

«Гнать, так красиво! По-нашему, по-газпромовски!»

– Так ты из Москвы?

– Нет, местный. Мама здесь, квартира… То есть теперь уже дом. А в Москву мотаюсь периодически. Удалось, вроде, команду нормальную собрать. Ничего ребята, с головой. Но все равно контроль нужен. В наше время каждый кинуть норовит…

Вика улыбнулась.

– Леш… Знаешь, с букетом, который ты мне подарил, тебя тоже обманули.

– Не понял…

– Этот букет для мужчины. Скорее всего, на юбилей.

– Да ладно… – скривил губы десантный пулеметчик. – Откуда знаешь?

– Я же флорист. Курсы закончила. Покупаю на базе цветы, составляю букеты и продаю их в магазины… Это антуриумы. Они очень красивые, но это чисто мужские цветы. А на ленточке – цифра «пятьдесят». Скорее всего, букет на юбилей кому-то готовили, а потом заказчик отказался, и его выставили на продажу.

– Вот гады!

– Не расстраивайся… – Она дотронулась до его плеча. – Букет все равно классный. Мне никто такого никогда не дарил… Спасибо.

– Все равно гады…

Меценат-пулеметчик-газпромовец посмотрел на вечернее небо.

– Хочу здесь крышу стеклянную поставить. И зимний сад устроить. Или кафе. Сидишь, кофе пьешь и балдеешь. Видом любуешься. Как думаешь, нормальная идейка?

– Стеклянную? – усомнилась Вика. – А зимой не обвалится?

– Нет, что ты. Стекло – не такой уж хрупкий материал. Вон, в Америке небоскребы из него строят… Между прочим, если пять листов даже обычного оконного стекла сложить бутербродом, то их пуля из «макарова» не пробьет.

– А я бы не стала тут крышу ставить. Ощущение простора сразу пропадет. И воздуха столько уже не будет…

– Да?.. Ладно, как скажешь. Не вопрос… А сейчас… Закрой глаза! Закрой, не бойся…

Вика послушно зажмурилась. Вряд ли он собирается сбросить ее с крыши.

– Теперь смотри!

Она открыла глаза.

Темное небо взорвалось разноцветными огнями настоящего фейерверка. Вспыхивая яркими гроздьями, они освещали небольшую лужайку перед домом причудливым светом и серебристым дождем падали на землю.

– Какая красота! – Вика почувствовала себя сказочной героиней.

– Когда граф со своей супругой приезжал в имение, то в честь их прибытия всегда салют устраивали. Я решил не нарушать доброй традиции.

Меценат-искусствовед-перевозчик-пулеметчик-газпромовец как бы невзначай приобнял девушку за плечи. Якобы в целях безопасности, чтобы не поскользнулась. Она не вырывалась и его рук с плеч не сбрасывала. Мало того, задала наводящий вопрос:

– Получается, что мы с тобой – вроде графа с графиней?..

– А то, блин!

* * *

Входную дверь она открывала тихонечко, стараясь не шуметь. Но Ритка, несмотря на поздний час, и не думала ложиться.

– Нехило ты сбегала узнать, что мальчику надо… – крикнула она с кухни, услышав, как щелкнул замок. – Ты чего трубку не брала? «Абонент вне зоны». Я уж хотела участковому звонить, что тебя похитили. А потом подумала, что тот еще окочурится от радости, и не стала.

Букет, предназначенный мужику-юбиляру, вызвал у Ритки приступ плохо скрываемой зависти.

– Ого! Даже так… Красиво живешь. В каком кабаке гуляли?

– Почему сразу в кабаке?

– А где еще? Не на футболе же…

На кухне Вика достала из буфета вазу, подаренную когда-то бабушкой, налила воду и поставила цветы.

Ритка, ставшая недавно безработной, тут же напомнила о хлебе насущном:

– Ты пожрать не догадалась захватить? В холодильнике, кроме льда, – никаких деликатесов.

– Для непонятливых повторяю: мы не ходили в кабак.

– Что, решил сэкономить на еде?

– Между прочим, Леша усадьбу старинную восстанавливает. На собственные деньги.

– Круто. Стало быть, принца зовут Леша… И, судя по всему, у него много денег.

– Двести баксов гаишнику отдал, не моргнув.

– Да-а-а… – с завистью протянула сестра. – И почему мне с мужиками так не везет? Вроде, тоже не пальцем делана… Погоди, а может, у него пару тысяч баксов стрельнуть? Я бы со Стасом рассчиталась… Поговори, а?

– Не, неудобно. Мы знакомы всего ничего, а я сразу деньги просить начну?

– А ты взаймы попроси. Что тут особенного?

– Мне кажется, он не такой человек. Может неправильно понять.

– Брось… – поморщилась Рита. – Мужики все одинаковы. И этот «не такой» уже в следующий раз к тебе под блузку полезет. Вот увидишь! У меня, слава богу, опыта побольше твоего… Так что не будь дурой и лови момент. А мужик – чем ближе к заветной цели, тем покладистей становится. Наверняка не откажет.

* * *

Расположившись за столиком неуютного летнего кафе, натуральный оборотень Миронов слушал доклад невысокого мужа, очками и бородой напоминавшего знатока Анатолия Вассермана.

– Насчет эвакуации я проверил. В сорок первом картины из Эрмитажа действительно вывозили. На Урал, по железной дороге. И действительно, ехали через наш Юрьевск. Составы в пути бомбили, бардак на железнодорожных станциях в то время был делом обычным. Тогда ведь в первую очередь пропускали воинские эшелоны, а гражданские могли по несколько суток на полустанках простаивать. Что-то разворовывалось, о чем-то в суматохе вообще забывали. Так что в принципе не исключено, что часть эвакуируемой коллекции могла осесть и здесь. В том числе и без документов.

– А что в Эрмитаже? Подтверждают?

– Официально – нет. Но… Знающие люди заверяют, что до войны Ван Дейка там было больше, если можно так сказать… Несколько работ из эвакуации не вернулись.

– А цена?

– В прошлом году на «Сотбисе» Ван Дейк действительно почти за двадцать пять лаймов ушел. Хотя до аукциона эксперты предполагали, что торг остановится максимум на пяти. Сейчас искусство вверх ползет. Особенно антиквариат. Многие в это дело бабки вкладывают. В любом случае ты не прогадал.

Но Стас прыгать от счастья не спешил.

– Все равно не вяжется… Такая вещь – и в задрипанном музее? Без охраны?

– Какая «такая» вещь? – Собеседник отодвинул пустую чашку, извлек из лежавшей на столе пачки сигарету и щелкнул зажигалкой. – Сам говоришь, что про Ван Дейка здесь никто не знает. Для них это – неизвестный художник. На хрена его картину стеречь?

– А почему столько лет – и неизвестный? Музейные крысы должны, вроде, в картинах разбираться. И что – про Ван Дейка не прочухали? Не кажется тебе это странным?

– Стас, в наших музеях сегодня такой же бардак, как и во всей нашей Раше. В том числе и из-за той зарплаты, которую получают эти, как ты говоришь, музейные крысы… Да что там в Раше! В цивилизованных странах – та же херня. Вчера по ящику передавали: в Испании аналогичный случай произошел. И не в захолустной галерее какой-нибудь, а в самом Прадо! Музей такой в Мадриде, один из самых известных в мире… Висела картина, никому не мешала. А тут пришло кому-то в голову рентген сделать. Оказалось – тоже какой-то великий художник. Забыл фамилию… Его автограф нашли под слоем краски. Так что… Хотя твоего Ван Дейка, прежде чем на покупателей выходить, надо все-таки сперва знающим людям показать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.